

Глава VI

СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ШЕЛ 129-й ДЕНЬ

Почему Троцкий нарушил договоренность с Лениным на заключительном этапе работы мирной конференции в Брест-Литовске относительно затягивания мирных переговоров? Вряд ли можно ответить на это однозначно. Но одно, как представляется, не подлежит сомнению, что этот его шаг не в последнюю очередь, если не сказать — напрямую, связан с личностью самого Троцкого как человека и как крупнейшего политического деятеля того времени. В те дни, недели и месяцы он был второй фигурой по своему политическому весу и авторитету в партии и в массах, его имя не сходило со страниц газет, стояло всегда рядом с именем Ленина, а по ряду вопросов, например международным, было часто и первым. Словом, имя Троцкого тогда не отделялось от имени Ленина. А широкий кругозор Троцкого, большие ораторские данные, помноженные на стремление быть в центре событий и огромное честолюбие, которое практически никто и не сдерживал в нем, делали очень часто «свое дело».

Вероятно также, что при оценке поступков политических лиц начального периода нашей, советской истории следует учитывать и обстановку, в которой они действовали. О чем здесь идет речь? Тогда крупные политические личности, руководствуясь принимаемым коллективно стратегическим решением по тому или иному вопросу, тактику проведения в жизнь этого решения брали на себя, не боясь ответственности. Никто не имел привычки «смотреть» снизу вверх, равно как и дожидаться «оттуда» указаний. И если приложить все это к отсутствию общей точки зрения в партии и в государстве по вопросу о заключении мира на предъявленных Германией условиях, то, видимо, это тоже в значительной мере «влияло» на поведение Троцкого, позиция которого к

тому же пока еще разделялась большинством партийцев, а его сверхреволюционность импонировала настроениям масс, поднимавшихся к новой жизни на лозунгах и призывах. Троцкий это не только хорошо знал, но и великолепно чувствовал. И он, надо полагать, будучи второй фигурой в стране, взял на себя ответственность за сделанный шаг, который к тому же разделялся и всеми другими ведущими членами нашей делегации.

Поэтому, думается, нет надобности искать в этом шаге предательства революции и социализма. Наоборот, именно революция и социализм, их идеалы не позволяли пойти на принятие германских грабительских условий мира. Даже Ленин, говоря о необходимости пойти на заключение аннексионистского мира, обнародовал эту линию первоначально только среди узкого круга партийного руководства, а не перед всей партией, страной, народом, понимая, что не будет понят ими. И Ленин пока молчал, находясь в явном меньшинстве и связанный решением ЦК РСДРП(б).

Так что шаг Троцкого предпринимался им, вероятно, в убеждении, что это единственный выход в условиях, когда «час решения настал», а вот настал ли он, здесь Троцкий, как кажется, действовал, исходя из своего субъективного мнения, помноженного на свой высокий авторитет и предоставленные ему полномочия и власть. Во всяком случае, его действия не вызвали сомнений у коллег Троцкого по делегации. А сам он на VII съезде партии при обсуждении вопроса о заключении мира с Германией скажет: «Если бы меня заставили повторить переговоры с немцами, я 10 февраля (28 января.— И. К.) повторил бы то же, что я сделал»¹.

Если сопоставить время отсылки из Петрограда в Брест-Литовск последней телеграммы за подписью Ленина и Сталина (18 часов 30 минут) и временем окончания там последнего заседания политической комиссии (18 часов 50 минут), то, имея в виду даже разницу со среднеевропейским временем, Троцкий вряд ли мог получить ее до начала заседания. Каких-либо свидетельств обратного нет.

Но есть другая телеграмма, которую Троцкий в тот же вечер, после окончания заседания политической комиссии, послал в Петроград. Ее содержание следующее:

---

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 70, 267.

«Петроград. Председателю Совнаркома Ленину. Переговоры закончились. Сегодня после окончательного выяснения неприемлемости австро-германских условий наша делегация заявила, что выходим из империалистической войны, демобилизуем свою армию и отказываемся подписать аннексионистский договор. Согласно сделанному заявлению издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах. Нарком Троцкий»¹.

Из этого текста также не ясно, знал ли уже Троцкий в час отправления телеграммы послание в его адрес из Петрограда, подтверждающее прежнюю точку зрения по вопросу о мире и его подписании. Решительный же тон телеграммы самого Троцкого говорит о том, как представляется, что он еще более в это время уверовал в правильность предпринятого нашей делегацией демарша, который, конечно, был неожиданным для держав австро-германского блока. Генерал Гофман впоследствии напишет, что «смущение было всеобщее», что, по его мнению, «декларация Троцкого была не чем иным, как прекращением перемирия»².

Это подтверждает и Иоффе. «Когда Л. Д. Троцким оглашена была последняя декларация,— писал он,— она грянула как гром из ясного неба. Ничего подобного немцы не ждали. Все молчали. Кюльман бормотал что-то маловразумительное. Искали выхода, но не находили. Наконец предложили созвать пленум. От этого Российская делегация отказалась»³. Иоффе рассказывает, что после отъезда Троцкого с частью делегации в Петроград он остался в Брест-Литовске и к нему на следующий день пришел директор правового департамента Криге, чтобы завершить технические дела конференции. Криге искал прецедент создавшемуся положению и нашел его в далекой истории, в войне греков с персами. Разумеется, Криге пришел искать не прецедент, а выяснить, как Совнарком представляет себе «дальнейший ход событий»⁴. Обратим здесь внимание на то обстоятельство, что и немцы восприняли заявление Троцкого как доку-

---

¹ Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214—215.

² Гофман М. Война упущенных возможностей. М.—Л., 1935. С. 186, 187.

³ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 262.

⁴ Там же.

мент Советского правительства. «Было бы безумием, если бы мы теперь опять воевали с Вами,— приводит далее Иоффе слова Криге.— ...Об этом никто и не думает. Необходимо найти выход. Мы можем не иметь мирного договора, но вести переговоры по конкретным вопросам. Нам необходимо будет съехаться с Вами в Стокгольме для того, чтобы переговорить хотя бы о военнопленных»¹. Иоффе в ответ сказал Криге, что от таких переговоров, как он полагает, Советское правительство, наверное, не откажется².

Наконец, здесь будет уместным изложить и оценку самого Троцкого: в чем он видел смысл предпринятого нашей делегацией действия на этом последнем заседании политической комиссии 28 января (10 февраля)? Он писал: «Мы все были солидарны в том, что переговоры нужно тянуть как можно долее, чтобы извлечь из них весь агитационный «капитал» и в то же время выгадать как можно более времени, дав истории возможность приблизить нас к германской и общеевропейской революции»³. Это была общая точка зрения. И Троцкий продолжает: «Разногласия начинались с вопроса: как быть в случае ультиматума? Тов. Ленин ставил вопрос ребром: ни в коем случае не доводить переговоров до разрыва. Раз мы не можем вести войну, то непозволительно играть с войной. Меньшинство партии, наоборот, считало обязательным довести переговоры до разрыва, чтобы ответить на наступление партизанской войной. Наконец, было течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистской силы и вырвать тем самым почву из под ног инсинуаций и подозрений, будто переговоры являются только прикрытием уже состоявшейся сделки»⁴. Дав характеристику этим трем течениям, Троцкий подчеркивал по поводу последней точки зрения: «Этот агитационный довод представлялся решающим автору настоящих строк»⁵.

Почти одновременно с отправкой телеграммы в Совнарком Ленину Троцкий отправил еще две депеши. Од-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 262.

² Там же.

³ Там же. С. III.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ну — главковерху Крыленко, которая гласила: «Согласно сделанному делегацией заявлению издайте немедленно этой ночью приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах»¹. Она была послана около 22 часов 28 января². Тогда же была отправлена телеграмма аналогичного содержания и в Наркомвоен³. Третья, уже упомянутая нами,— в Совнарком Ленину пошла через каналы НКВД⁴.

Поспешивший с отправкой всех этих трех телеграмм Троцкий вызвал неразбериху. Распоряжение о демобилизации армии, исходившее от него, воспринималось адресатами как правительственное решение, хотя такового и не существовало. Так, Крыленко, получивший эту телеграмму от Троцкого, в ту же ночь отдал соответствующее распоряжение по армии⁵. И потянулась цепочка: от Крыленко в Ставку, в Верховную коллегия при штабе главковерха, где, полученное в 8 часов утра 29 января (11 февраля), это распоряжение было тут же радиограммой с грифом «Всем, всем, всем» передано на фронты⁶. Приблизительно тогда же, утром 29 января, Ленин получает сообщение о приказе относительно демобилизации армии на всех фронтах и отдает указание передать в Ставку об отмене всеми возможными способами этого приказа⁷. Но было уже поздно, на фронтах о демобилизации знали. И поэтому, вероятно, указание Ленина о его отмене дальше Ставки никуда не пошло: в жизнь пока начал проводиться приказ о демобилизации.

В тот же опять-таки день, 29 января (11 февраля), но уже в 17 часов вечера в штабы всех фронтов за подписью Крыленко был направлен приказ, в котором сооб-

---

¹ *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 76; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. С. 142.

² См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 76.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 77; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214.

⁶ См. там же.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 240; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 77; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 215—216.

щалося о прекращении мирных переговоров, воспроизводилось сделанное Троцким заявление в Брест-Литовске от 28 января (10 февраля) и объявлялось: «В связи с этим предписываю немедленно принять все меры к объявлению войскам, что война с Германией, Австрией, Турцией и Болгарией с этого момента считается прекращенной. Никакие военные действия иметь места не могут. Настоящим объявляется одновременно начало общей демобилизации на всем фронте»¹. Штабам фронтов и армий предписывалось принять меры к уводу войск с передовой линии². В своих воспоминаниях этот шаг Советской власти начальник штаба главковерха М. Д. Бонч-Бруевич характеризует следующим образом: «Получилась явная неразбериха: мирные переговоры прерваны, соглашение не достигнуто, а приказ говорит об окончании войны и демобилизации всех армий... Я не мог не почувствовать огромной угрозы, нависшей над страной. Поведение большевиков в этом вопросе, несмотря на все мое стремление остаться лояльным, показалось мне глубоко ошибочным и лишенным здравого смысла»³.

В свою очередь В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал относительно шага нашей делегации в целом, который она сделала в Брест-Литовске: «Когда получено было известие, что наша комиссия по переговорам с немцами о мире пришла к нелепому предложению, которое можно было формулировать «не мир и не война», Владимир Ильич выразил глубокое изумление этому решению и сказал, что «эта неопределенность обойдется нам дорого». Многие находили весьма остроумным, в сущности, крайне нелепый выход, который будто бы нашел Л. Д. Троцкий, придумав такую штуку, вместо определенных условий мира...»⁴. Словом, положение складывалось сложнейшее.

Поскольку вся советская печать ничего не писала о серьезных разногласиях в руководящих кругах партии по вопросу о мире, то занятая нашей делегацией в Брест-Литовске позиция воспринималась как линия Советской

¹ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 30 января (12 февраля); *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 216.

² См. там же.

³ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1958. С. 239.

⁴ *Бонч-Бруевич Влад.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931. С. 254.

власти, большевиков. Поэтому и поддержка массаами этого курса, его одобрение широкими партийными кругами были повсеместными. Так, 29 января (11 февраля) проходило заседание Петросовета¹. Выступивший на нем Зиновьев огласил заявление нашей делегации, которое было сделано Троцким в Брест-Литовске 28 января (10 февраля). Подчеркнув своеобразие момента, Зиновьев предложил Петросовету высказаться, «правилен, по его мнению, или неправилен выход из создавшегося положения, найденный нашей делегацией»². Я лично убежден, говорил он, что «это был единственно правильный выход», и полагаю, что большинство «сознательных рабочих скажет то же самое»³. Несмотря на злорадные пророчества правых эсеров и меньшевиков, продолжал Зиновьев, мы убеждены, что «наступления со стороны немецких империалистов быть в данный момент не может»⁴.

В прениях участвовали правые и левые эсеры, меньшевики, большевики. Приветствовал отказ нашей делегации подписать аннексионистский мир М. Л. Коган-Бернштейн, выступавший от имени правых эсеров⁵. Вместе с тем он подверг критике политику Советской власти за то, что наш выход из войны ослабит, дескать, пролетариат стран Антанты. Не согласился с такой постановкой вопроса левый эсер Фишман, заявивший в то же время, что коль скоро мы не можем ответить на натиск международного империализма, то заявление нашей делегации в Брест-Литовске представляется единственно приемлемым для нас решением в нынешней обстановке⁶. Если придется, сказал он, мы готовы «вести войну против мирового капитала»⁷. В свою очередь меньшевик А. Ерманский призывал к организации международной социалистической рабочей конференции для обсуждения главных условий мира, что, по его мнению, может способствовать развитию революционных действий. Выступивший от имени фракции большевиков Лашевич заявил, что выход, найденный делегацией в Брест-Литовске, правилен.

---

¹ См.: Правда. 1918. 13 февраля (31 января); Известия ЦИК. 1918. 30 и 31 января; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 31 января (13 февраля).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 31 января.

⁶ См. там же.

⁷ Там же.

Предложенный Зиновьевым проект резолюции, одобрявший действия нашей делегации, был принят большинством голосов при 1 против, но все же при 23 воздержавшихся¹. В резолюции, в частности, говорилось: «Петроградский Совет выражает уверенность, что рабочие и солдаты Германии, Австрии, Болгарии и Турции в нынешний ответственный исторический момент выполнят свой долг и не позволят империалистским правительствам совершить задуманное ими насилие над народами Польши, Литвы и Курляндии»². Главной задачей дня, указывалось в ней, является создание новой армии.

На следующий день, 30 января (12 февраля), «Известия ЦИК», комментируя формулу «ни мира, ни войны», напишут: «Поступая таким образом, русская делегация лишь выполняла волю последнего Советского съезда, который, в свою очередь, выражал волю трудящихся масс России. Другого пути для русской революции в данный момент не было»³.

В аналогичном комментарии «Правды» за тот же день говорилось, что немцы обвиняли нас в искусственном затягивании переговоров и готовились прервать их, чтобы свалить вину на нас, но мы предупредили этот их маневр⁴. «Этот шаг,— указывала газета,— равного которому мы не найдем во всей мировой истории, не может не поставить в тупик империалистическую свору»⁵. Конечно, немцы попытаются напасть на нас, подчеркивала далее «Правда», и «такая возможность не исключена, хотя и маловероятна»⁶. Газета выражала надежду, что международный пролетариат скажет свое слово.

И за всеми этими газетными комментариями как-то осталось малозаметным очередное заседание Совнаркома 29 января (11 февраля) вечером, которое продолжалось и в ночь на 30 января (12 февраля). В ходе его работы обсуждается, в частности, и создавшееся положение после заявления Троцкого о неподписании мира и о выходе России из войны, а также принимается решение отменить приказ Крыленко о всеобщей демобилизации, который был отдан на основании телеграммы Троц-

---

¹ См.: Правда. 1918. 13 февраля (31 января).

² Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 31 января (13 февраля).

³ Известия ЦИК. 1918. 30 января.

⁴ См.: Правда. 1918. 12 февраля (30 января).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

кого¹. После заседания Совнаркома, в 2 часа ночи 30 января (12 февраля), Ленин направляет телеграмму в Ставку с предписанием всем комиссарам армий и начальнику штаба М. Д. Бонч-Бруевичу задерживать все телеграммы за подписями Троцкого и Крыленко о демобилизации армии, «так как мир еще фактически не заключен»². Уже поздно вечером этого дня Ленин принимает полковника Р. Робинса и беседует с ним о положении, сложившемся в результате разрыва мирных переговоров с Германией³.

А утром 31 января (13 февраля) Ленин встречается с возвратившейся глубокой ночью из Брест-Литовска советской мирной делегацией и обсуждает с ней создавшуюся обстановку⁴. Поздно ночью этот же вопрос рассматривается и на заседании Совнаркома; на нем Ленин дает разъяснения об отмене им приказа главковерха Крыленко о демобилизации армии⁵. Любопытно, что на следующий день Троцкий был назначен председателем Чрезвычайной Комиссии по продовольствию и транспорту⁶.

Положение в целом продолжало оставаться неясным и запутанным. «Мы считаем войну прекращенной,— писала 31 января газета «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот», комментируя завершившиеся в Брест-Литовске мирные переговоры,— но германские империалисты могут двинуть свои войска против революционной России»⁷. Но если теперь державы Четверного союза, заявляли в свою очередь «Известия ЦИК», будут вести против нас войну, то это увидит весь международный пролетариат, и он скажет свое слово⁸. Газета резко критиковала также позицию Рады, которая предпочла отдать хлеб не пролетариату России, а его врагам, заключить соглашение с румынами, воюющими с нами, ид-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 241, 242.

² Там же. С. 243; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 364.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 246.

⁴ См. там же. С. 247; Известия ЦИК. 1918. 14 (1) февраля.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 249.

⁶ См.: Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 79; Известия ЦИК. 1918. 17 (4) февраля.

⁷ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот, 1918. 31 января (13 февраля).

⁸ См.: Известия ЦИК. 1918. 31 января.

ти войной против советских войск. Подлым предательством называла курс Рады и газета «Правда», подчеркивая, что это часть общего плана международного империализма, стремящегося удушить русскую революцию¹. Газета выражала уверенность, что наши друзья на Западе в лице пролетариата «придут на помощь нам»².

В целом все это было пока весьма слабым утешением, и звонкая фраза продолжала господствовать над здравым смыслом в оценке обстановки. Поворота в сознании широких партийных кругов, народных масс пока не происходило, господствовало настроение «шапкозакладательства». «То, что будут делать немцы,— вспоминал впоследствии В. Д. Бонч-Бруевич,— как они на все это будут реагировать, как они отнесутся к такому «выходу из войны», без подписания условий мира,— об этом никто почти не думал, добродушно рассуждая: немец не пойдет! Зачем ему идти, раз он увидит, что мы, действительно, вышли из войны? Это русское «авось» и здесь, конечно, должно было нам обязательно помочь, но... не помогло»³.

Как же действительно реагировали на все это немцы? Уже 31 января (13 февраля) в Гамбурге проходило совещание при участии кайзера, главы правительства, руководителей вооруженных сил Германии⁴. Гинденбург потом напишет по поводу отказа Троцкого подписать мирный договор, объявив в то же время, что война закончена: «В этом презрительном отношении Троцкого к основам международного права я мог видеть только попытку продлить неопределенное положение на востоке. Было ли это результатом влияния Антанты, я не знаю. Во всяком случае, положение создалось невозможное»⁵.

На совещании в Гамбурге докладывал Людендорф. Решался вопрос: как быть? Отмечалось, что русская армия не представляет из себя боевого фактора. Много внимания было уделено сепаратному сговору с Радой, но указывалось, что этот «мир являлся весьма шатким», учитывая распространение большевизма, и если держа-

---

¹ См.: Правда. 1918. 13 февраля (31 января).

² Там же.

³ Бонч-Бруевич Влад. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. С. 255.

⁴ См.: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 130—134.

⁵ Воспоминания Гинденбурга. С. 66—67.

вы Четверного союза не хотят, чтобы он «превратился в мировой фарс и надувательство», если они хотят получить с Украины хлеб, то «должны оказать ей военную помощь»¹. Говоря о плане действий против России, Людендорф писал: «Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый Восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. ...На Украине надо было подавлять большевизм и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось»². Для нас было ясно, подчеркивает Людендорф, что с государственно-правовой точки зрения «неподписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия»³. И кайзером было принято решение о возобновлении на Восточном фронте военных действий с 18 февраля⁴.

С 1 февраля 1918 года в стране вступил в действие декрет о введении в Российской Республике западноевропейского календаря, о чем население страны было заранее информировано⁵. Декрет гласил: «В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени, Совет Народных Комиссаров постановляет ввести, по истечении января месяца сего года, в гражданский обиход новый календарь. В силу этого:

1. Первый день после 31 января сего года считать не 1 февраля, а 14 февраля, второй день — считать 15, и т. д.

10. До 1 июля с. г. писать, после числа каждого дня по новому календарю, в скобках число по до сих пор действовавшему календарю»⁶.

14 (1) февраля вечером под председательством Свердлова открылось заседание ЦИК, на котором с докладом об итогах брест-литовских мирных переговоров высту-

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 131.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 132, 134.

⁴ См.: Воспоминания Гинденбурга. С. 67.

⁵ См.: Правда. 1918. 7 февраля (25 января).

⁶ Вестник Комиссариата Внутренних Дел. М., 1918. № 5. 14 февраля. С. 3, 4.

пил Троцкий¹. Его дополнил член нашей делегации Карелин, который, в частности, затронул вопрос и о позиции Рады, подчеркнув, что «окончательное обособление Украины является, по-видимому, одним из пунктов политической программы германского империализма»². Резко критиковал советскую политику мира правый эсер Пумпянский, по мнению которого проводимый большевиками курс на разъединение сил демократии оставил Россию в нынешней обстановке без союзников. «И вот теперь фронт открыт,— заявлял оратор,— и нет никакой уверенности, что благородная поза русской делегации окажется в состоянии остановить германские войска»³. С возражениями Пумпянскому и с одобрением доклада Троцкого выступил левый эсер И. З. Штейнберг, говоривший, что действия делегации в Брест-Литовске усиливают нашу связь с мировым пролетариатом⁴. Жесткая линия Германии, сказал взявший слово Мартов, объясняется изменой Рады, заключившей сепаратный мир с австро-германским блоком. Одобрив действия нашей делегации в Брест-Литовске, Мартов одновременно высказывался в том смысле, что в нынешней обстановке «должна быть в корне изменена вся политика революционной власти», которая не может, по его мнению, замыкаться на одном классе, а обязана защищать интересы всех классов⁵. Эту же мысль о единении классов и партий проводил в своем выступлении и Блюм, одобрявший отказ нашей делегации подписать мирный договор на германских условиях⁶. Поддержали ее действия в Брест-Литовске также анархист-коммунист А. Ю. Ге и эсер-максималист Селиванов. Первый заявлял, что мы будем защищаться до конца и нам помогут «трудовые массы Европы»⁷. Второй, указав, что в словах Троцкого есть «какое-то непротивление злу», призывал в то же время к определенной сдержанности и осторожности в оценках. «Шаг, сделанный русской делегацией,— говорил Селиванов,— безусловно правилен, точно так же правильны и расчеты на германскую революцию, но не следует

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля; Правда. 1918. 15 (2) февраля.

² Правда. 1918. 15 (2) февраля; Правда. 1918. 16 (3) февраля.

³ Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 16 (3) февраля.

⁶ См. там же.

⁷ Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля.

базироваться только на этих расчетах. У Кюльмана и у тех, кого он представляет, могут оказаться более или менее крупные силы, и при помощи этих сил они могут попытаться раздавить Советскую Россию. Следует, конечно, демобилизовать армию, но нужно создать новую. Нужно вооружить весь народ для того, чтобы русская революция не оказалась беззащитной»¹.

Выступивший с заключительным словом Троцкий сказал, что «мы не можем гарантировать русскую революцию» от возможного наступления германского империализма, но «можем создать наилучшие условия для обороны» и тем самым «раскрыть глаза германскому пролетариату»². В принятой по докладу резолюции ЦИК одобрял «образ действий своих представителей в Бресте», расценивал позицию Рады как измену и объявлял «недействительным тот договор, который заключили с германским правительством агенты украинской буржуазии»³. ЦИК выражал также уверенность в том, что «рабочие-социалисты всех стран, вместе с трудящимся классом России признают полную правильность той политики, которую в течение всего времени переговоров вела в Бресте делегация российской социалистической революции»⁴. Говоря о возрастающем международном значении русской революции, ЦИК указывал, что для защиты ее завоеваний нужна новая армия, и это самая важная задача момента. Деятельность советской делегации в Брест-Литовске была одобрена прежде всего фракциями большевиков и левых эсеров.

На другой день, 15 (2) февраля, Троцкий выступил с отчетом мирной делегации на заседании Петросовета⁵. Он опять уверенно заявил по поводу возможных действий Германии. «Я считаю в высшей степени невероятным передвижение какой-либо части германских войск против нас,— говорил Троцкий,— и если возможность наступления перевести на проценты, то 90 процентов против, а 10 процентов за»⁶. Относительно заявления нашей делегации в Брест-Литовске Троцкий сказал, что этот «шаг по отношению к охране нашей страны является са-

---

¹ Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 17 февраля.

⁶ Известия ЦИК. 1918. 17 февраля.

мым возможным и наилучшим»¹. Вместе с заявлением о выходе из войны, говорил он, мы обратились к рабочим Германии и Австрии, где заявляли, что «если германским милитаристам удастся двинуть отряды против нас и германские аннексионисты попытаются нанести удар нашей революции, то мы возлагаем всю ответственность на... германскую социал-демократию, которая должна приложить все усилия, все свое влияние, чтобы не дать империалистам нас задушить»².

Характер оценок, которые давала советская печать заявлению нашей делегации в Брест-Литовске, был весьма далек от реальной действительности, революционность была через край. И это можно было понять: возможность капитуляции перед германским империализмом не воспринималась в народном сознании, ибо она олицетворялась с ликвидацией нашей государственности. Поэтому и дело зачастую трактовалось таким образом, будто мир уже наступил и стране не грозит никакая опасность. «Русский народ может смело перековать мечи на орала и вернуться к свободной мирной жизни,— заявляла, например, газета «Революционная ставка».— Ему ничто не угрожает, его покой будет охранять преданная свободе социалистическая гвардия и немецкий рабочий, приставивший винтовку к виску Вильгельма. Страшный уничтожающий выстрел раздастся скоро... Империализм в тупике, война кончена — мир пришел...»³

Подчеркивая, что заявление нашей делегации в Брест-Литовске, по мнению широких кругов общественности революционной России, является единственно возможным решением в данных условиях, «Известия ЦИК» писали, что этот шаг «ставит русскую революцию в более тесную связь с нарастающей европейской революцией где бы то ни было», что именно «в этом главная сила нашей позиции»⁴.

16 февраля в «Правде» с комментарием по поводу прекращения брест-литовских переговоров выступил К. Радек. Он писал, что теперь наступило решающее время, когда пролетариат Германии и Австрии «должен будет доказать, способен ли он еще подняться до роли пе-

---

¹ Известия ЦИК. 1918. 17 февраля.

² Там же; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 17 февраля.

³ Известия ЦИК. 1918. 14 (1) февраля.

⁴ Там же. 1918. 15 (2) февраля.

редового борца за социализм»¹. Радек указывал, что нам предстоят тяжелые дни, поскольку германский империализм обладает достаточными силами, которые он сможет бросить против нашей революции. И далее автор ставил вопрос: какую позицию мы должны занять относительно немецких условий мира? Радек сам же и отвечал на этот вопрос. Он писал: «И мы заявляем коротко и ясно: ни при каких условиях русская революция не может капитулировать перед немецким империализмом. ...Капитулируя перед немецким капитализмом, мы перестаем быть застрельщиками международной революции. Потому русская революция не должна отступать перед немецким империализмом ни на шаг, какие бы бедствия нам это ни сулило»².

А бедствия эти уже начинались. Вечером 16 (3) февраля военный консультант нашей делегации генерал Самойло, остававшийся в Брест-Литовске после прекращения переговоров, по прямому проводу передал в Наркоминдел Троцкому телеграмму: «Сегодня, 16-го февраля, в 19 часов 30 минут, от генерала Гофмана мне официально объявлено, что 18-го февраля в 12 часов оканчивается заключенное с Российской Республикой перемирие и начинается снова состояние войны. 17-го февраля утром с вверенной мне комиссией я выезжаю на Барановичи и Минск»³. Оправдывался прогноз Ленина: худшее начало получать подтверждение.

Телеграмма генерала Самойло, прежде чем попасть по назначению, прошла через ставку главковерха, откуда была передана в Наркоминдел только 17 февраля, когда и попала к Троцкому⁴. Последний в тот же день за своей подписью направил в Берлин на имя германского правительства депешу, в которой сообщал о получении советской стороной из Брест-Литовска от генерала Самойло известия о том, будто с 12 часов дня 18 февраля между Германией и Россией, по словам генерала Гофмана, возобновляется состояние войны⁵. Исходя из изложенного, Троцкий срочно обращался к германскому правительству по следующему вопросу: «Правительство

---

¹ Правда. 1918. 16 (3) февраля.

² Там же.

³ Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 февраля; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 105.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Документы внешней политики СССР, Т. 1. С. 105.

Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер, так как если даже допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом, согласно условиям перемирия, должно быть сделано за 7 дней, а не за два дня. Просим разъяснения недоразумения по радио»¹.

Для Троцкого заявление немцев о прекращении перемирия было, безусловно, неожиданным. Рассыпалась его «концепция» по вопросам войны и мира: немцы возобновляли военные действия, каких-либо оснований надеяться на пролетариат стран австро-германского блока не было, состояние армии было ниже всякой критики. Совнарком тогда же запросил Ставку о возможностях нашей армии отразить в случае чего наступление немцев и получил через Крыленко мнение военных специалистов: положение в войсках катастрофическое, армия неспособна даже просто находиться на позициях, фронта практически нет, в окопах и в тылу воспринимается любой мир в качестве избавления от всех лишений и страданий². Кстати, и сам главнокомандующий запрашивал, как реагировать на возможное немецкое наступление, слухи о котором уже, как говорится, витали в воздухе³.

В такой обстановке вечером 17 (4) февраля и состоялось заседание ЦК РСДРП(б), обсуждавшее заявление германского военного командования о прекращении перемирия и возобновлении военных действий между австро-германским блоком и Россией⁴. На заседании присутствовали Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский, Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга — 11 человек. В ходе обсуждения Ленин предложил высказаться «за немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира»⁵. Против выступили 6 человек — Бухарин, Ломов,

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 105.

² См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 80—81.

³ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 226—227; *Самойло А.* Две жизни. М., 1958. С. 196—197.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 260—261; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 226—229.

⁵ *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 81; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 218.

Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский. За — 5 человек: Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга.

Никто не высказался «за революционную войну»; Бухарин, Ломов и Иоффе от участия в голосовании по этому вопросу в такой его постановке отказались.

Все без исключения¹ высказались за то, чтобы «оказывать всяческое сопротивление в случае начала наступления со стороны Германии».

Видимо, Троцким² было внесено предложение «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение» в Германии и Австрии. За него голосовали Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский. Против — Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга.

Весьма симптоматичным было голосование по вопросу: «Если после наступления мы не предлагаем мира, объявляем ли состояние войны возобновленным?» Все на этот вопрос ответили отрицательно, кроме воздержавшихся Бухарина, Ломова, Ленина.

Все единогласно высказались за допустимость в принципе подписать мир «с империалистической Германией при известных условиях».

Многозначительным было голосование и по вопросу об ответе главковерху. На поставленный вопрос — «За сопротивление и уничтожение всего имущества и военных материалов, полезных для Германии и в случае нашего отступления» — положительно высказались Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий и Иоффе, воздержались — Крестинский, Ленин, Свердлов, Сокольников и Смилга, не участвовал в голосовании Сталин.

Думается, что об определенном переломе настроений свидетельствовали и ответы на вопрос: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?» В положительном смысле высказались Троцкий, Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга, воздержались Бухарин, Ломов, Урицкий и Крестинский, и только один Иоффе голосовал против³.

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 228—229; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 194.

² См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 81.

³ См. там же. С. 81—82.

Итоги голосования являлись, конечно, партийной и государственной тайной. Для всеобщего сведения они не предназначались, в печати не публиковались. Известно, что запись голосования вел и Ломов, но он ее отослал тогда же в исполнительную комиссию Московского комитета РСДРП с припиской, что эти сведения секретные, что он сообщает их «под ответственность» узкого состава бюро партии с «требованием строжайшей тайны», что «особенно строго персонально кто как голосовал, ибо большинство голосовавших — члены правительства, и узнать результаты для Германии очень важно»¹.

Между тем события стремительно нарастали, и на следующий день, 18 (5) февраля, германское наступление стало фактом.

Уже с утра положение на фронте стало обостряться; Берлин не отвечал на телеграмму Троцкого. Поэтому еще до начала срока немецкого наступления ЦК РСДРП(б) вновь собрался на заседание². В нем участвовали Ленин, Троцкий, Свердлов, Смилга, Иоффе, Держинский, Зиновьев, Бухарин, Урицкий, Стасова, Ломов, Сокольников, Крестинский — всего 13 человек; с совещательным голосом присутствовал Равич.

Заседание началось с сообщения Троцкого о том, что над Двинском появились немецкие аэропланы, ожидается наступление германцев на Ревель, отмечено появление четырех немецких дивизий, переброшенных с Западного фронта, что немцы по радио мотивируют свое наступление необходимостью оградить народы Европы «от заразы с Востока». В его сообщении хотелось бы обратить внимание на то, что немцы нарушили перемирие, перебрасывая войска с Западного фронта на наш, а военное командование стран Антанты молчаливо поощряло немцев на бросок против России, прекрасно понимая, что их руками на Востоке будет делаться общее дело всех империалистов — поведется борьба против русской революции. И не случайно, конечно, в распространенных перед наступлением немецких прокламациях говорилось о том, что Германия идет спасти нашу страну, а в переданном

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 226.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 334—335, 486; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 195—196, 284; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 230—232.

по радио воззвании принца Леопольда Баварского к солдатам и народу подчеркивалось: «Исторической задачей Германии издавна было: установить плотину против сил, угрожавших с Востока... Теперь с Востока угрожает новая опасность: моральная инфекция. Теперешняя больная Россия старается заразить своей болезнью все страны мира. Против этого мы должны бороться»¹.

После выступления Троцкого Свердлов поставил вопрос: отложить или обсуждать сейчас создавшееся положение? Ломов высказался за то, чтобы отложить, Ленин, наоборот, за обсуждение, но ограничить число ораторов и время их выступления. При голосовании все согласились с тем, чтобы обсудить положение. Договорились также, что фракционными ораторами будут Троцкий и Бухарин, с одной стороны, Ленин и Зиновьев — с другой. Бухарин поднял вопрос о предоставлении возможности большему числу ораторов выступить, но Ленин был против этого, предлагая свести обсуждение к одному: послать или нет телеграмму с предложением мира, и именно по этому вопросу высказаться «за» или «против». Это предложение Ленина было принято.

Троцкий выступил против посланки немцам телеграммы с предложением мира. Он мотивировал это тем, что массы только начинают «переваривать» происходящее, и «подписание мира теперь же внесет... сумбур в наши ряды». Троцкий говорил, что прекращение войны в Германии «было встречено с радостью», и поэтому «не исключена возможность, что германское наступление вызовет серьезный кризис» там. Он призывал «подождать эффекта», считая, что мир «еще можно» будет предложить, «если его не последует».

После Троцкого говорил Ленин, высказавшийся за предложение мира. Напомнив, что на предыдущем заседании ЦК партии «все признали необходимость мира, если движения в Германии не произойдет, а наступление будет», Ленин подчеркнул необходимость действовать. Он говорил, что «мы все будем за оборону», если империализм выступит против нас, и такую позицию сумеем объяснить народу, но если сейчас начнется наступление немцев, а «мы после этого будем разъяснять массам, то мы внесем больше путаницы», чем при ведении переговоров «о продлении перемирия». Нельзя терять «ни одного часа», заявлял Ленин.

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 232.

Против немедленного предложения мира выступил Бухарин. Его аргументы были следующие. Сославшись на то, что «неопределенность положения существует» не для нас, а для другой стороны, Бухарин говорил, что нам пока неизвестно, заключили ли немцы «союз с англичанами» и не шантажируют ли они нас. «Все это должно выясниться,— подчеркивал он,— в ближайшее время». И если это подтвердится, то у нас не будет другого выхода, и его поймут все, а «мы можем впоследствии начать переговоры», но сейчас «нужно развить оборону», заключал Бухарин.

За предложение Ленина высказался Зиновьев, заявивший, что «нужна политическая ясность, времени не отпущено, чтобы тянуть». Немцы сами не знают, «что будет завтра», говорил он, и поэтому рабочие Германии «не смогут нас упрекнуть», если мы возобновим переговоры. В случае наступления империализма, продолжал Зиновьев, мы все — за войну, а сейчас такая позиция только на руку германскому милитаризму. И поэтому, подытоживал он, может быть только одно решение — «возобновить переговоры».

После того как ораторы разных точек зрения по принятому на обсуждение вопросу высказались, на голосование было поставлено — «немедленно обратиться с предложением о возобновлении мирных переговоров». Большинством в один голос — 7 против 6 — оно было отклонено. Тогда же решили назначить следующее заседание на 14 часов 19 февраля.

В 12 часов дня 18 февраля немцы начали наступать. В 14 часов был занят Двинск (ныне город Даугавпилс); началось вторжение австрийцев на Украину¹. Поздно вечером на заседании Совнаркома обсуждается и создавшееся положение в связи с начавшимся днем наступлением германских войск². Уже в ночь с 18 на 19 февраля Ленин едет в Таврический дворец, где по этому же вопросу совещается с членами Президиума ВЦИК, а еще позднее заслушивает доклад командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муралова о положении в округе³. Обстановка создавалась очень тревожной, времени на раскачку не было. И пришлось, не

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 284; Правда. 1918. 19(6) февраля.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 262—263.

³ Там же. С. 263.

откладывая до 14 часов 19 февраля, как это было условлено, снова экстренно созывать заседание ЦК РСДРП(б)¹. На нем присутствовали Троцкий, Ленин, Урицкий, Стасова, Сокольников, Иоффе, Сталин, Крестинский, Зиновьев, Свердлов, Ломов, Бухарин, Смилга — всего 13 человек. Не было Дзержинского, который присутствовал на утреннем заседании, но был Сталин, не принимавший участия в совещании утром. С совещательным голосом присутствовал Стучка. Заседание проходило в острой полемике.

Доложив о взятии немцами Двинска и слухах о наступлении на Украину, Троцкий сказал, что если это подтвердится, то надо «обратиться в Вену и Берлин с запросом, чего они требуют». Все это опять было связано с потерей времени.

О необходимости действовать и принять сегодня же решение говорил Урицкий, но метод принятия этого решения был несколько странным: либо присоединить голоса двух отсутствовавших на утреннем заседании Муранова и Артема — сторонников подписания мира, либо утреннее «меньшинство» должно подчиниться «большинству».

Свердлов в принципе согласился с таким решением вопроса, делая упор на то, что «можно причислить голоса тех, кто отсутствует, ибо их отношение известно». Предложение Троцкого вызвало у него сомнение, поскольку до утра, по мнению Свердлова, «ждать невозможно», и «если принимать решение, то нужно его принять немедленно».

За возобновление переговоров высказался Сталин.

Взявший слово Ленин прежде всего подчеркнул, что решается коренной вопрос, и «предложение Урицкого удивительно». Напоминая, что ЦК партии уже проголосовал 17 февраля против революционной войны, Ленин заметил, что мы на деле «не имеем ни войны, ни мира и втягиваемся в революционную войну», с которой нельзя шутить. «Теперь невозможно ждать,— говорил Ленин,— ибо положение определено вполне». Теперь средние решения невозможны, равно как и «никакие оттяжки», «прощупывать» немцев поздно, а запрашивать их — значит терять время, и это не политика. Или революционная война, на которую у нас нет ни сил, ни средств, ни-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 263; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 233—240; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 336—338, 486—487.

чего, или возобновление переговоров. В заключение Ленин сказал: «Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам. ...спорить против сторонников революционной войны невозможно, но против сторонников выжидания можно и должно. Нужно предложить немцам мир».

За то, чтобы обороняться, если немцы наступают, высказался Урицкий.

Выступивший Иоффе говорил, что делать ставку на «германскую революцию еще не поздно». Он сказал, что не верил в наступление немцев, но, когда это стало фактом, полагает, что «теперь они не согласятся на прежний мир». По мнению Иоффе, обязательно подписывать мир надо тогда, когда войска бегут в панике, а народ требует мира, но раз этого, как он считал, нет, то «мы по-прежнему должны бить на мировую революцию», ибо «ясно, что, раз у них революции не будет, они заберут больше, а если будет, то нам все вернется». Эта позиция оратора, мыслившего «мировыми категориями», была очень далека от конкретной обстановки в стране, от положения дел на фронте и в тылу.

Вновь взявший слово Троцкий, не соглашаясь с доводами Ленина, назвал «игрой с войной» то, что мы в течение двух месяцев, «не имея военной силы, тянули переговоры, вызвали движение в Берлине и Вене и восстановили против себя немцев». Троцкий предложил «затребовать формулированные немецкие требования с обязательством дать ответ в определенный срок». Надо сказать, что это был уже определенный шаг к конкретному предложению.

Несогласие с несколько теоретизированными поисками Троцким выхода из положения выразил Сталин, подчеркнувший одновременно необходимость «все взвесить и сказать, что мы за возобновление мирных переговоров».

Бухарин начал свое выступление с заявления о том, что «события развиваются так, как... мы предвидели» и наше прощупывание империализма «уже имеет свои результаты». Он говорил, что немцам сейчас «нет смысла принимать мир», что если они и «возьмут Питер», то у нас еще «не исчерпаны» все социальные возможности — «мы можем и мужиков натравить» на них. Подчеркивая, что мы должны проводить нашу старую тактику «мировой революции», Бухарин указывал также, что «немцы теперь потребуют сдачи всех наших социально-революционных позиций».

Возражая против тезиса Бухарина о крестьянской войне, Ленин сказал, что тот и не заметил, как «перешел на позицию революционной войны», на которую крестьянин не пойдет и «сбросит всякого, кто открыто это скажет». Если мы хотели такой войны, говорил Ленин, тогда незачем было демобилизовывать армию. Но мы не готовы к революционной войне и «должны подписать мир». «Революция не потеряна», подчеркивал он, даже если немцы «возьмут Лифляндию и Эстляндию» и «потребуют вывода войск из Финляндии». И в этой связи Ленин сказал: «Я предлагаю заявить, что мы подписываем мир, который вчера нам предлагали немцы; если они к этому присоединят невмешательство в дела Украины, Финляндии, Лифляндии и Эстляндии,— то и это надо безусловно принять». Ленин продолжает настойчиво вести линию на то, чтобы, не теряя ни одного часа, поскольку германские силы уже начали продвижение в глубь нашей территории, немедленно, во избежание худшего, о котором он предупреждал и которое начало подтверждаться, принять немецкие условия мира.

Но убедить в своей правоте противников немедленного заключения мира с немцами Ленину было нелегко. Необходимо «отдать приказ с призывом всех под революционные знамена», вторил Бухарину Ломов. Даже если «у нас возьмут ряд городов», заявлял он, мы должны продолжать «с максимальной энергией развивать нашу тактику развязывания революции».

Резкая постановка вопроса о необходимости заключить мир любой ценой, то есть, по сути дела, принять решение о судьбе революции, нелегко давалась каждому оратору. Зиновьев, например, выражая опасение относительно того, что немцы пойдут на подписание мира, который они предлагали раньше, говорил о важности сегодня же послать им по этому поводу телеграмму. И в то же время он подчеркивал, что согласен на мир, если немцы потребуют «только Лифляндию», но будет трудно решать вопрос, если они станут настаивать на «выдаче украинских рабочих».

На этом прения прекратились. И здесь Троцкий несколько иначе сформулировал свое первоначальное предложение: «не требовать перемирия, но запросить, чего они требуют». Был поставлен вопрос: «Следует ли немедленно обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира?» 7 человек высказались положительно: Ленин, Смилга, Сталин,

Свердлов, Сокольников, Троцкий, Зиновьев. 5 были против: Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский; к ним присоединяется Дзержинский, Стасова воздержалась.

Поступает предложение дать точную формулировку принятого решения, а также «немедленно выработать текст обращения к немецкому правительству». При согласовании принципиальных положений радиотелеграммы немцам свои предложения высказывали Крестинский, Сталин, Ленин, Урицкий, Бухарин, Стучка, Зиновьев, Сокольников, а по процедуре голосования выступали Ленин и Троцкий. Договорились, что телеграмма будет включать в себя три момента, за каждый из которых голосовали. Всеми, кроме двух воздержавшихся, было принято, чтобы обращение содержало в себе протест против действий Германии. Аналогичные результаты были и при голосовании за включение в текст телеграммы положения о том, что мы вынуждены подписать такой мир. И, наконец, при голосовании положения «подписать старые условия мира с указанием, что нет отказа от принятия худших предложений» за него высказалось 7 человек, 4 против и 2 воздержались.

Текст радиотелеграммы было поручено составить Ленину и Троцкому; предложение подключить к ним Иоффе было отклонено. Решили, что обращение к немцам будет сейчас же послано по радио. Договорились также, что о принятом решении будет сообщено руководству левых эсеров, направив с этой целью к ним Свердлова. Было внесено и предложение, чтобы решение по этому вопросу ЦК двух входящих в правительство партий — большевиков и левых эсеров — принять за решение Совнаркома, то есть посылать телеграмму от имени правительства.

Была уже глубокая ночь 19 февраля, когда радиотелеграмма СНК в Берлин правительству Германской империи была составлена, но ее, как это решили, надо было согласовать с руководством левых эсеров, а счет уже шел на часы. Сразу же после заседания ЦК РСДРП(б) состоялось совместное заседание двух ЦК партий — большевиков и левых эсеров. Вот что писал об этом заседании орган МК РСДРП(б) «Социал-демократ» 20 февраля: «Вначале заседания происходили отдельно, потом было устроено совместное заседание. Выяснилось два течения: одно за то, что Россия воевать не может и что необходимо подписать мир на тех условиях, которые нам диктуют, но это течение оказалось в меньшинстве.

Большинство стояло на той точке зрения, что революция русская выдержит новое испытание; решено сопротивляться до последней возможности».

На этом заседании, как видно из сообщения газеты, вопрос о посылке телеграммы не обсуждался и речь шла об отношении вообще к проблеме мира и войны, о чем, кстати, свидетельствовало и первое же предложение этой информации — «Война или мир». Очевидно, поэтому пришлось тут же поставить вопрос о посылке телеграммы немцам на обсуждение объединенного заседания фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК, где Ленин в течение двух часов доказывал, что «для России выхода нет, что необходимо немедленно заключить сепаратный мир», что надо какой бы то ни было ценой освободить русскую революцию от империалистической войны¹. Но и это совещание не решило вопроса относительно посылки телеграммы, равно как и сразу же созванные затем отдельные заседания фракций².

Было уже около 4 часов утра 19 февраля, когда созвали экстренное заседание Совнаркома³. Ленин говорил на нем, в частности, и о том, что германским войскам необходимо оказывать сопротивление, каким бы слабым оно ни было⁴. После острых прений незначительным большинством было принято решение послать сообщение германскому правительству о нашем согласии подписать мир⁵. Шел 7-й час утра, когда заседание Совнаркома закрылось, и в 8 часов утра радиотелеграмма через Царскосельскую радиостанцию ушла в эфир⁶.

В ней СНК выражал протест по поводу того, что германское правительство двинуло свои войска против нашей республики, «объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах»⁷. В радиограмме указывалось, что наше правитель-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 340; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 84—85.

² См. там же. С. 85.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 263—264.

⁴ См. там же. С. 264.

⁵ См.: Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 86.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 264; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 86.

⁷ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 240; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 106; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 339; Правда. 1918. 20 (7) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 20 февраля; Известия ЦИК. 1918. 20 (7) февраля.

ство «не могло ожидать такого шага уже по тому одному, что ни прямо, ни косвенно ни одна из находившихся в состоянии перемирия сторон не предупредила» о его прекращении за 7 дней, «как это обязались сделать обе стороны» по соответствующему соглашению. Наконец, в ней говорилось, что Совнарком «видит себя вынужденным при создавшемся положении заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены» нам в Брест-Литовске, и подчеркивалось также, что «ответ на точные условия мира, предлагаемого германским правительством, будет дан безотлагательно». Радиотелеграмма была подписана председателем СНК Ульяновым-Лениным и наркомом по иностранным делам Троцким.

19 февраля нашим войскам, находящимся на фронте, отдается распоряжение «оказывать сопротивление разбойничьему набегу и в случае необходимости очистить ту или иную позицию, уничтожать все имущество»¹. Утром Ленин в ответ на запрос председателя Совета города Дрисса, как поступать в случае приближения немцев, направляет телеграмму следующего содержания: «Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите все ценное и продукты. Остальное все уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбирайте пути — две версты на каждые десять. Взрывайте мосты»². В 10 часов утра Ленин созывает экстренное совещание, на котором обсуждается сообщение, полученное председателем Комитета по борьбе с погромами В. Д. Бонч-Бруевичем о готовящемся выступлении германских военнопленных против Советской власти³. Подвойский обратился ко всем районным Советам Петрограда зарегистрировать живущих в столице военнопленных, одновременно предупредив, чтобы это не привело к каким-либо эксцессам «против несчастных жертв войны», среди которых «тысячи наших братьев — сознательных рабочих»⁴.

Органы советской массовой информации начинают с этого дня комментировать начавшееся германское наступление. Все газеты единодушно квалифицировали на-

¹ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 февраля; Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март. 1918 г. С. 284.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 45; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 264.

³ См. там же.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля.

ступление немцев без предупреждения о прекращении перемирия за 7 дней как разбойничью акцию против Советской власти, против революции. В печати подчеркивалось, что во все предшествующие дни германские представители в Брест-Литовске и в Петрограде делали заявления в смысле продолжения состояния перемирия¹.

Вместе с тем газеты на своих страницах отражали и различные точки зрения на создавшуюся обстановку. Открывая военные действия против нас, писала «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот», милитаризм восстанавливает против себя «рабочий класс Германии, который знает, что единственное спасение для него заключается в перенесении русской революции на германскую почву»². Германские империалисты на равнинах России «хотят заблаговременно нанести решительный удар революционным стремлениям австрийских, венгерских и германских крестьян и рабочих», подчеркивали в свою очередь «Известия ЦИК» и вопрошали, поймут ли это последние и протянут ли «руку своим братьям в России»?³ Нам нужно для успеха той же немецкой революции, заявляла «Правда», чтобы «социалистическая власть утвердилась в России, чтобы здесь были сооружены неприступные окопы международной социалистической революции», но «если господам Гофманам угодно будет в ответ на наше заявление о мире объявить нам открытую войну во имя восстановления царей, дворян и банкиров — мы будем драться до последней пули и до последнего человека!»⁴.

Вечером 19 февраля, около 20 часов, был получен ответ Германии на запрос Троцкого от 16 февраля по поводу прекращения перемирия⁵. В нем говорилось, что «Германия считает перемирие прерванным и возобновляет военные действия против Российской Республики»⁶. Это официальное уведомление в условиях уже начавшегося наступления немцев было пустой формальностью. Тогда же наркоминдел Троцкий направил телеграмму министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Чер-

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 февраля.

² Там же.

³ Известия ЦИК. 1918. 19 февраля.

⁴ Правда. 1918. 20 (7 февраля).

⁵ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 106; Известия ЦИК. 1918. 20 (7) февраля.

⁶ Там же.

нину¹. Считает ли себя Австро-Венгрия также в состоянии войны с Россией, говорилось в ней, и «если нет, то считает ли Австро-Венгерское Правительство возможным приступить к практическому осуществлению выработанных в Петрограде соглашений»²? Представляется, что эта наша телеграмма в Вену была вызвана позицией Австро-Венгрии, которая в эти недели и дни не во всем была согласна с Германией при проведении последней политики в отношении России³. Это было своего рода «прощупывание» настроений в правящих кругах Австро-Венгерской монархии, переживавшей серьезные политические и экономические трудности.

Вечером же 19 февраля Ленин лично принимает и записывает текст радиотелеграммы генерала Гофмана, которая была передана Владимиру Ильичу по телефону из Царского Села; это был ответ германского верховного главнокомандования на телеграмму СНК о согласии подписать мир, которая утром отсылалась нами в Берлин⁴. В германском ответе говорилось что радиотелеграмма от СНК была получена 19 февраля и в 8 часов 12 минут передана правительству в Берлин⁵. Вместе с тем немцы заявляли, что радиограмма не может рассматриваться в качестве официального документа, что таковым он может быть только в письменной форме и соответствующим образом подтвержденный⁶. В этой связи Гофман предлагал нам направить специального курьера с документом в Двинск, к немецкому коменданту⁷. В качестве такого посыльного поздно вечером выбирают В. М. Турчана, которого рекомендует главковерх Крыленко, и в его присутствии Ленин поручает Турчану поехать в Двинск с таким документом, а также с целью выяснения возможности возобновления прерванных переговоров о мире⁸. Уже наступило 20 февраля, когда курь-

---

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 107; Известия ЦИК. 1918. 19 февраля.

² Там же.

³ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 265; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 87.

⁵ См. там же.

⁶ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 87; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 221.

⁷ См. там же.

⁸ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 265.

ер с официальным посланием СНК выехал из Петрограда¹.

А немцы продолжали расширять военные действия. Как сообщала иностранная печать, одностороннее заявление Троцкого в Брест-Литовске о выходе из войны и демобилизации армии ничем не связывало страны австро-германского блока². 19 февраля австро-германские войска заняли Минск, Луцк, Ровно³. Председатель армейского комитета 12-й армии Нахимсон сообщал в этот день, что предложение «отступить только с боем сочувствием не пользуется»⁴. Войска противника вторглись на Украину, делая это по «просьбе» уже несуществующей, но продолжающей активно «действовать» Рады, представители которой обратились в эти дни из Брест-Литовска с декларацией к Германии⁵. В ней заявлялось: «Русские большевики... предпринимают священную войну против украинских социалистов. Разнужданные банды красногвардейцев напирают с севера на нашу страну. ...Мы глубоко убеждены в том, что любовь германского народа к миру и порядку поможет нам против наступления наших северных соседей. Мы говорим это в тяжелые часы, и мы знаем, что наш голос будет услышан»⁶.

И этот голос Рады был действительно услышан. Большая часть из двинувшихся в глубь нашей территории 50 немецких дивизий общей численностью в 600 тысяч штыков⁷ шла по украинской земле в сопровождении контрреволюционных сил буржуазных националистов. Выступая 19 февраля в рейхстаге с докладом о мирном договоре с Радой и об итогах мирных переговоров в Брест-Литовске, Кюльман заявлял, что Германия не может, дескать, доверять миролюбию России и что возобновление военных действий против нее усилит расположение Петрограда к миру⁸. Утром 20 февраля Совнарком обсуждает положение на фронте — докладывают Крыленко и Альтфатер — и правительство принимает

---

¹ См.: Правда. 1918. 21 (8) февраля.

² См. там же.

³ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 284.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 21 (8) февраля.

⁵ См. там же. 1918. 19 февраля.

⁶ Там же.

⁷ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 21 февраля.

⁸ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля.

ряд мер по организации обороны страны, Петрограда¹. Был создан Временный Исполнительный Комитет Совнаркома для обеспечения непрерывности работы правительства, в который вошел и Ленин. СНК решил обратиться к стране с воззванием. Документ «К трудящемуся населению всей России» был принят созданным Временным Исполнительным Комитетом СНК в 2 часа ночи 21 февраля и утром опубликован в печати². Его смысл — у России нет иного выхода в создавшихся условиях, кроме как согласиться на подписание сепаратного аннексионистского мира. В нем, в частности, подчеркивалось: «Мы ждем предъявления германских условий и готовы на величайшие жертвы, чтобы обеспечить нашему истощенному народу возможность справиться с ужасающими последствиями войны и выйти на дорогу социалистического развития. ...Мы хотим мира, мы готовы принять и тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контрреволюция попытается окончательно затянуть петлю на нашей шее. ...Пусть знают наши враги — извне и внутри, — что завоевания революции мы готовы отстаивать до последней капли крови»³.

Во исполнение решений СНК оперативно создаются соответствующие органы по организации обороны страны и Петрограда. В столице 20 февраля за подписями Подвойского, Склянского и Крыленко организуется Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа в составе Влад. Бонч-Бруевича, В. Василевского, К. Еремеева, М. Лашевича, К. Юренева; в качестве представителя Наркомвоена в него вошел К. Мехоношин⁴. 21 февраля создается Комитет революционной обороны, который возглавил Свердлов; в него вошли Володарский, Урицкий, Подвойский, Еремеев и Гусев⁵. В тот же день Петроград объявляется на осадном положении⁶. Проис-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 267; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 107—109; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 167; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 222; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 87; Известия ЦИК. 1918. 21 (8) февраля; Правда. 1918. 21 (8) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 21 февраля.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 268.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 108, 109.

⁴ См.: Правда. 1918. 21 февраля; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 222.

⁵ См.: Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 167.

⁶ См.: Правда. 1918. 21 февраля.

ходит формирование рабочих и красногвардейских отрядов, спешно направляемых навстречу германским силам. Перед одним из таких отрядов, который состоял из латышских стрелков и по просьбе Ленина собрался днем 20 февраля в актовом зале Смольного, выступает на немецком языке Владимир Ильич Ленин, разъяснивший бойцам создавшуюся обстановку¹.

Принятие мер по организации обороны происходило в обстановке резкого обострения разногласий в руководстве партии относительно оценки момента. Утром 20 февраля состоялось экстренное заседание Московского комитета РСДРП(б), обсудившее согласие Совнаркома подписать мир на предъявленных Германией условиях². В принятой резолюции решение СНК было названо «вредным для дела мировой революции», и Московский комитет настаивал на пересмотре Совнаркомом «принятого решения и на отказе от него»³.

А немцы продолжали наступать. 20 февраля был занят Полоцк, германские отряды нацеливались на Оршу, Режицу, Вольмар, Верден, Гапсаль, Ревель, Нарву, Псков, Петроград⁴. Наши части почти повсеместно отходили без боя, во многих местах царила паника, враг захватывал немало складов с вооружением, обмундированием, продовольствием, другими материальными средствами. Газеты писали, что немцы наступают небольшими и часто сводными отрядами с выдвинутыми вперед разведчиками, что все это подкрепляется ударными группами, что на Северном фронте отступающие силы стягиваются к Пскову, а железнодорожные пути между Двинском и ближайшими станциями взорвать не удалось, что в целом немцы продвигаются весьма осторожно и имеются случаи отказа их солдат идти в наступление⁵.

Немцы двигались в глубь страны, а ответа на наше согласие подписать мир на предъявленных условиях все не было. Враг использовал время для продвижения вперед. Были получены сведения, что петроградский курьер, отправившийся с наступлением 20 февраля в путь,

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 342.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 293.

³ Там же.

⁴ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март. 1918 г. С. 284—285.

⁵ См.: Правда. 1918. 21 (8) и 22 (9) февраля.

только вечером того же дня сумел выехать на автомобиле из Режицы в Двинск¹.

Согласие Совнаркома на подписание мира в соответствии с предъявленными Германией условиями в Брест-Литовске после того, как наша делегация там во главе с Троцким сделала совершенно другое заявление, вызвало огромный резонанс во всех политических партиях и группах, включая большевиков. Таврический дворец, где разгорались дискуссии во фракциях ЦИК, бурлил весь день 20 февраля. В 19 часов открылось заседание большевистской фракции, на котором с длинной речью выступил К. Радек, призывавший объявить «священную войну» немцам². Выступавший на заседании Крыленко, который говорил о полном развале фронта и неспособности армии остановить продвижение немцев, подчеркивал, что единственный для нас спасительный выход заключается в немедленном подписании мира³. Страсти подогревались отсутствием ответа от немцев и каких-либо сообщений от посланного к ним нашего курьера. К 23 часам 20 февраля расстановка сил в большевистской фракции ЦИК была такова, что большинство ее склонялось к отказу пойти на заключение аннексионистского мира⁴. Поддерживая позицию Совнаркома, «Известия ЦИК» писали на следующий день, что мало захватить власть, ее нужно еще сохранить, и, «спасая свою русскую революцию, сохраняя этот оазис социализма в капиталистическом мире, трудящиеся массы нашей страны спасают очаг мировой революции»⁵. И далее газета подчеркивала, что «мы должны принять сражение тогда, когда это будет выгодно нам, а не нашим классовым врагам», что, используя противоречия империалистов, мы с заключением мира получим «временную отсрочку, чтобы продолжать борьбу с голодом и разрухой, чтобы довести до конца дело социалистического преобразования России». Но если нас попытаются сейчас задушить, резюмировали «Известия ЦИК», мы будем сражаться до конца⁶.

Параллельно с собранием большевистской фракции

---

¹ См.: Правда. 1918. 21 (8) и 22 (9) февраля.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 284; *Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева*. С. 88.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ Известия ЦИК. 1918. 21 (8) февраля.

⁶ См. там же.

проходило в этот день заседание фракции левых эсеров ЦИК, их ЦК. С. Д. Мстиславский, П. П. Прошьян, А. Л. Колегаев и другие левые эсеры выступили против заключения грабительского мира¹. С резкими нападками на позицию Совнаркома, на политику большевиков обрушивались другие политические партии — правые эсеры, меньшевики, анархисты, их органы печати.

21 февраля «Правда» за подписью Карпова публикует статью под заголовком «О революционной фразе»; после почти полуторамесячного «молчания» Ленин начинает открытую борьбу в печати за заключение мира². Внутрипартийная дискуссия по вопросу о мире выносилась на страницы газет, в массы. Разъясняя ошибочность позиции сторонников революционной войны, выступающих против заключения аннексионистского мира, Ленин подчеркивал, что они толкают партию на опасную авантюру, поскольку наша страна не имеет главного — армии, и все призывы к революционной войне «есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет»³. «Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент»⁴, — подчеркивал Ленин. Говоря о пагубности такой политики для нашей революции, Ленин указывал и на то, что сторонники революционной войны сами лезут в западню англо-французской буржуазии, стремящейся задушить руками германских империалистов Советскую власть. Он писал: «Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати Советская власть полетит... Воюйте, любезные, «союзные» большевики, мы вам поможем!»⁵

Утром 21 февраля никаких известий от советского курьера и от немцев, продолжавших продвигаться вперед, не поступало. В 12 часов 20 минут Ленин посылает телефонограмму в Исполнительную Комиссию ЦК РСДРП(б) и во все райкомы партии столицы, которая гласит: «Советуем, не теряя ни часа, поднять на ноги всех рабочих, чтобы, согласно решениям Петроград-

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 88.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 345—353; *Правда*. 1918. 21 февраля.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 345.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 352—353.

ского Совета, имеющим быть принятыми сегодня вечером, организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного, под контролем этих рабочих, на рытье окопов под Питером. Только в этом спасение революции. Революция в опасности. Линию окопов дадут военные. Готовьте орудия, а главное организуйтесь и мобилизуйтесь поголовно»¹.

Днем поступает сообщение из района Ревеля о продвижении германских войск, и туда немедленно за подписью Ленина и Сталина направляется телеграмма, в которой говорится о важности «опрокинуть» противника, а «если это трудно сделать, испортить все дороги, произвести ряд партизанских набегов с тем, чтобы не дать врагу укрепиться на материке»². Готовя Петроград, страну к обороне против немцев, Ленин принимает участие в составлении правительственного декрета-воззвания «Социалистическое отечество в опасности!»³. В нем всем Советам и революционным организациям вменялось «в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови»⁴. В ночь с 21 на 22 февраля Совнарком утверждает это воззвание и оно передается в ПТА для немедленного распространения по всей стране; утром 22 февраля декрет публикуется в «Правде» и «Известиях ЦИК», а затем выпускается и отдельным листком; газета «Правда» выходит в этот день с призывом «К оружию!» и помещает воззвание главковерха Крыленко «Все к оружию! Все на защиту революции!»⁵.

21 февраля немцы заняли Оршу и Режицу. Режицу в 16 часов 30 минут взял немецкий разъезд на четырех грузовых автомобилях и отряд мотоциклистов⁶. Поступали также сообщения, что сторонники Рады сеют панику на фронте 7-й и 11-й наших армий в районах Ровно — Луцк — Сарны⁷. Во второй половине дня Ленин принимает руководителя американской миссии Красного Креста полковника Р. Робинса, который в беседе сообщает о решении дипломатического корпуса выехать из Петро-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 354.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 269.

³ См. там же.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357.

⁵ См. там же. С. 488; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270; Правда. 1918. 22 (9) февраля.

⁶ См. там же. 1918. 23 (10) февраля.

⁷ См. там же.

града¹. В субботу 23 февраля «Правда» сообщит, что сегодня в 14 часов экстренным поездом из Петрограда в глубь России выедут посольства Японии и США, миссии Китая, Сиамы и Бразилии — всего 150 человек; они едут в Вятку или в Вологду, а если потребуется, то в Сибирь и даже во Владивосток; каких-либо документов на выезд из России дипломаты не испрашивали, кроме удостоверений, обеспечивающих им безопасность проезда². Однако из Петрограда захотели выехать не все дипломаты. Так, спустя несколько дней представители Персии, Сербии и некоторых других стран заявили, что покинут Петроград только в том случае, если Совнарком изберет местом своего пребывания новую резиденцию³.

21 февраля в 22 часа Свердлов открыл экстренное заседание ЦИК⁴. Доложив о развитии событий после перехода немцев в наступление, он сказал, что обращение Совнаркома по радио к Германии с предложением о мире не расходилось с решениями III съезда Советов. Свердлов предупредил, что если немцы и дадут ответ, то он, вероятно, будет тяжелым для нас, но иного пути спасти Советскую республику нет, кроме как заключить мир. Свердлов предложил принять резолюцию доверия правительству, одобряющую «все мероприятия Совнаркома, направленные к заключению мира» и выражающую уверенность, что для защиты отечества будут сплочены все силы⁵. 150 членов ВЦИК присутствовало на этом заседании, и предложенная Свердловым резолюция была принята подавляющим большинством голосов при 6 против и отказе части представителей правых сил от участия в голосовании⁶.

В этот же день вечером проходило заседание Петровета⁷. Его открыл Лашевич. С докладом о текущем моменте выступил Зиновьев. Он говорил, что при отъезде в последний раз нашей делегации в Брест-Литовск мы были склонны принимать события в Австрии и Германии «за последний, решающий бой», что такого же мнения была и наша делегация, которая благодаря этому

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270.

² См.: Правда. 1918. 23 (10) февраля.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

⁴ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 223.

⁷ См.: Правда. 1918. 22 и 23 (9 и 10) февраля.

и «избрала последний путь». Однако мы ошиблись в оценке событий в Австрии и Германии, говорил Зиновьев, и это, по словам Троцкого, был «не девятый вал, а только первый». Мы ошиблись и в том, продолжал Зиновьев, что «немцы не пойдут в наступление после нашего последнего шага». Телеграмма Совнаркома Германии с предложением мира, подчеркивал докладчик, продиктована заботами о русской и международной революции, стремлением получить передышку. Оценив действия СНК как неизбежные и правильные при создавшейся обстановке, Зиновьев призвал одобрить курс правительства. Выступавший Крыленко говорил о полном развале армии и ее неспособности остановить немцев¹. После бурных прений, в ходе которых правые эсеры, меньшевики и левые эсеры резко критиковали политику правительства, Петросовет большинством голосов принял резолюцию, одобрявшую линию Совнаркома на заключение мира².

Поздно вечером 21 февраля Ленин участвует в совещании членов правительства с военными специалистами относительно обороны Петрограда; тогда же впервые обсуждалась возможность принятия помощи от стран Антанты, против чего выступили левые эсеры, и вопрос был отложен до его проработки сначала руководствами двух входящих в правительство партий³.

22 (9) февраля «Правда» писала: или немцы согласятся возобновить переговоры, или они отклонят наше предложение, и тогда война неизбежна. В тот момент еще не было известно, что 21 февраля германское правительство в ответ на обращение СНК утвердило условия, на которых оно было готово вступить с нами в мирные переговоры⁴. Они были разработаны в Берлине и подписаны Кюльманом⁵. Но это станет известно нам позже, в конце дня. А пока немцы продолжали наступать и в этот день взяли Вольмар, Верден, Гапсаль. Положение становилось все более тревожным. В ответ на запрос комиссара почт и телеграфов Москвы В. Н. Подбельского относительно поступивших к ним сообщений,

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 89.

² См. там же. С. 89—90; *Правда*. 1918. 22 (9) февраля.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 91.

⁴ См.: *Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б)*. Седьмой съезд. С. 285; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. С. 170.

⁵ См.: *Правда*. 1918. 24 (11) февраля.

будто бы Австро-Венгрия отказалась воевать с Советской Россией, Ленин по прямому проводу передает: «Проверенных новых сведений не имею, кроме того, что немцы, вообще говоря, продвигаются вперед неуклонно, ибо не встречают сопротивления. Я считаю положение чрезвычайно серьезным и малейшее промедление недопустимо с нашей стороны. Что касается сообщения о неучастии Австро-Венгрии в войне, то я лично, в отличие от Троцкого, не считаю это сообщение проверенным, говорят, перехватили радио и были телеграммы об этом из Стокгольма, но я таких документов не видал»¹.

В этот день руководство партии большевиков обсудило возможность приобретения оружия и продовольствия у держав Антанты для организации отпора германской агрессии². Вопрос был принципиальным: речь шла о том, возможно ли вообще социалистическому государству вступать в какие-либо соглашения с империалистами. Другими словами, дело касалось и будущего нашей страны, ее «нахождения», так сказать, не в вакууме, а в окружении капиталистических стран.

На заседании ЦК РСДРП(б) 22 февраля по этому вопросу присутствовали Троцкий, Ломов, Крестинский, Дзержинский, Смилга, Иоффе, Сокольников, Бубнов, Бухарин, Свердлов, затем подошел и Урицкий — всего 11 человек; Ленин знал о заседании, но присутствовать на нем не смог; с совещательным голосом был Пятаков³.

Троцкий, доложив о предложениях французов и англичан содействовать нам в войне с немцами, зачитал на этот счет ноту французской военной миссии. Надо сказать, что переговоры с союзниками о снабжении ими русской армии оружием, снаряжением и транспортными средствами, об оказании помощи инструкторами начались сразу же после победы социалистической революции; в своих воспоминаниях об этом пишут Садуль и Робинс, представлявшие в эти годы в нашей стране французские и американские интересы соответственно⁴.

---

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270—271; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 365, 489.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 271; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 243—246.

³ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 243—246; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 415.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 246.

Свердлов предложил отклонить французскую ноту без прений, и это было принято. Бухарин доказывал, что вообще «недопустимо пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма»¹. В свою очередь Иоффе, оставаясь на позициях революционной войны, считал, что в интересах «борьбы за мир» важно противодействовать немцам и «незачем чрезмерно перегибать палку», что «надо принять все» необходимое для нашей борьбы с врагом². Ломов считал недопустимым использовать поддержку империалистов, ибо все равно «фактической помощи не получится», а Крестинский, предложив в принципе отклонить предлагаемую помощь, выступил за то, чтобы решать этот вопрос в каждом конкретном случае; предложение Бубнова о прекращении прений не принимается³.

Троцкий, не соглашаясь с доводами Бухарина, говорил, что «государство принуждено делать то, чего не сделала бы партия», и «если мы ведем революционную войну, то мы должны пользоваться поддержкой Франции и Англии»⁴. Заявив, что он противник подписания мира, Дзержинский сказал, что он в то же время и «самый решительный противник точки зрения Бухарина»⁵.

Вновь выступивший Свердлов сказал, что в принципе нет возражений против помощи империалистов, но «нецелесообразно принимать поддержку англичан и французов», которые дискредитировали себя в глазах России; с этой точкой зрения согласился и Смилга⁶. Вторично взял слово для защиты своего мнения «о недопустимости использования поддержки империалистов» Бухарин⁷. Последнему возразил Сокольников, сказав, что «получение помощи от империалистов ни к чему нас не обязывает», что вообще такие вопросы надо решать конкретно; за неприемлемость использовать помощь империалистов высказался Урицкий, подчеркивая, что «мы забыли о мировой революции»⁸. Империалисты хотят использовать нас «в своих интересах», говорил Бубнов, поддер-

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 243.

² См. там же. С. 243—244.

³ См. там же.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ Там же.

⁶ См. там же.

⁷ См. там же.

⁸ Там же. С. 244—245.

живая эту точку зрения, и «это вовлекает нас в такое положение, когда наш интернационализм идет на-смарку»¹.

В третий раз взявший слово Троцкий сказал, что «право защищать отечество для социалиста является тогда, когда он становится у власти», что если мы сражаемся, то должны делать это хорошо, и «грош цена нашей диктатуре», если мы боимся «инструкторов»; в заключение Троцкий сделал заявление, что «снимает с себя звание Народного комиссара по иностранным делам»². Надо полагать, что в какой-то мере Троцкий признавал тем самым свою ответственность за допущенный им в Брест-Литовске, как главой советской мирной делегации, просчет в оценке возможности немецкого наступления после нашего заявления от 28 января (10 февраля).

Тогда Бухарин внес конкретное предложение: «ни в какие соглашения относительно покупки оружия, использования услуг офицеров и инженеров с французской, английской и американской миссиями не входить»³. В ответ вносит предложение Троцкий: «Как партия социалистического пролетариата, стоящего у власти и ведущего войну с Германией, мы через государственные учреждения принимаем все средства к тому, чтобы наилучшим образом вооружить и снабдить нашу революционную армию всеми необходимыми средствами, а для этого добыть их там, где возможно, следовательно и у капиталистических правительств»⁴. И заканчивалось его предложение тем, что наша «партия сохраняет полную независимость своей внешней политики, не дает капиталистическим правительствам никаких политических обязательств и в каждом отдельном случае рассматривает их предложения под углом зрения целесообразности»⁵.

При голосовании было принято предложение Троцкого: за — 6 голосов, против — 5. После голосования «эмоциональный» Бухарин тут же подал заявление в ЦК РСДРП: «Уважаемые товарищи, сим заявляю, что выхожу из состава ЦК и слагаю с себя звание редактора «Правды»⁶.

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 245.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 245—246.

⁶ Там же. С. 246.

Ленин, как мы уже говорили, на этом заседании не присутствовал, но свое отношение к вопросу он высказал, прислав в тот же день в ЦК записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма»¹. А вечерний выпуск «Правды» за этот же день помещает его статью «О чесотке», в которой Ленин, вновь выступая против революционной фразы, не подкрепляемой никакими материальными условиями ее осуществимости, подчеркивает, в частности: «Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная. В такой вещи видеть что-либо «нечистое» могут только кисейные барышни да жеманные юноши, которые «читали в книжке» и вычитали одни жеманности»². Во второй же половине дня Совнарком, обсуждая вопрос о приобретении оружия, припасов и разных товаров у Англии, Франции и других стран, выносит положительное решение³.

В течение всего дня Ленин заходит в комнату № 73 Смольного, где военные разрабатывали план обороны Петрограда, знакомится, как идут дела; Петроград же пребывает на осадном положении⁴. 22 февраля ВЧК сообщила, что до сих пор она «была великодушна в борьбе с врагами народа», но сейчас, когда контрреволюция «наглет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением» германских империалистов, ВЧК на основании постановления Совнаркома объявляет, что все контрреволюционеры, шпионы, спекулянты, громилы, хулиганы, саботажники и прочие паразиты «будут беспощадно расстреливаться отрядами Комиссии на месте преступления»⁵. Главковерх Крыленко обратился к гражданам с воззванием о революционной мобилизации всего населения, в случае отказа немцев заключить мир⁶.

Поступают сведения об остром положении, сложив-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 45.

² Там же. Т. 35. С. 363.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 271; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 92—93.

⁴ См.: Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 108; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 285.

⁵ Правда. 1918. 23 (10) февраля.

⁶ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 285.

шемся в руководстве партийными организациями Москвы и Московской области, где большинством голосов были приняты решения потребовать от Совнаркома пересмотреть свою позицию по вопросу о согласии подписать аннексионистский мир¹. А вот Моссовет после бурных дебатов уже в 3 часа ночи 23 февраля утвердил предложение Ногина одобрить курс Советского правительства на немедленное заключение мира². Здравомыслие оценивали обстановку и в Петросовете, где Володарский, например, в своем выступлении подчеркивал, что паника, имевшая место в начале немецкого наступления, проходит, а Зиновьев призывал быстрее кончать с нашей неорганизованностью³. Особо следует остановиться на заявлении в ЦК РСДРП(б) четырех его членов и группы народных комиссаров, которое было приурочено к заседанию 22 февраля, когда обсуждался вопрос о возможности принятия нами помощи от одной из групп империалистов в войне против Германии⁴. В своем заявлении они расценивали согласие ЦК «заключить мир на тех условиях, которые за несколько дней перед этим были отвергнуты русской делегацией в Бресте» как капитуляцию «передового отряда международного пролетариата перед международной буржуазией»⁵. Подчеркивая, что «обязанностью партии является призыв к защите пролетарской диктатуры с оружием в руках», они обвиняли ответственных партийных руководителей в принятии «ничтожным большинством» решений, идущих якобы «вразрез с интересами пролетариата и не соответствующих настроению партии»⁶. Не нарушая организационного единства, указывали эти товарищи, «мы считаем своей основной задачей развитие широкой агитации в партийных кругах против обозначившейся в последнее время политики партийного центра и подготовку партийного съезда, на котором вопрос о мире должен быть поставлен во всей его широте»⁷.

Это заявление было подписано Оппоковым (Ломо-

---

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 285; Известия ЦИК. 1918. 23 (10) февраля.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 293—295.

⁵ Там же. С. 294.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 294—295.

вым), Урицким, Бухариным, Бубновым, М. Бронским, В. Яковлевой, Спундэ, М. Покровским, Георгием Пятаковым. В печати оно будет опубликовано только 26 февраля¹, то есть в самый разгар борьбы по вопросу о мире как в партии, так и в обществе в целом.

Был и другой документ, адресованный в этот же день в ЦК РСДРП(б). Подписавшие его А. Иоффе, Крестинский и Дзержинский указывали, что, хотя они и считают неправильным решение большинства ЦК о немедленном предложении мира, тем не менее не могут присоединиться к заявлению товарищей. «Широкая агитация в партийных кругах против политики большинства ЦК,— подчеркивали они,— может в настоящее время повести к расколу, который мы считаем недопустимым»².

Заканчивался 120-й день Советской власти, и заканчивался он тревожно. В 12 часов ночи 22 февраля в Петроград на имя Совнаркома поступила наконец телеграмма от генерала Гофмана. «Ответ германского правительства сегодня, в 6 часов утра,— сообщал Гофман,— вручен в Уцянах русскому курьеру, который немедленно отправился в обратный путь»³. Почти тогда же, когда пришла телеграмма от Гофмана, ответил на запрос Троцкого и граф Чернин. «Имею честь сообщить Вам,— передавал Чернин,— что Австро-Венгрия готова, совместно со своими союзниками, привести к окончательному завершению мирные переговоры»⁴. Из ответов держав австро-германского блока пока было ясно одно: войне они все же предпочитают мир. Но какой? Это должно было вскоре проясниться.

Итак, получив в Уцянах, что недалеко от Двинска, запечатанный пакет с германскими условиями мира, советский курьер В. М. Турчан двинулся в сторону Петрограда; наступило уже 23 февраля⁵. В ночь на 23 февраля Ленин дает указание М. Д. Бонч-Бруевичу и его сотрудникам из штаба главковерха начать формировать отряды петроградских рабочих и беседует с генералом Д. П. Парским, назначенным начальником обороны Нарвского района и отъезжающим в район назначения⁶. С утра Владимир Ильич пишет телеграмму Курскому и

¹ См.: Социал-демократ. 1918. № 35. 28 февраля.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 295.

³ Правда. 1918. 23 (10) февраля.

⁴ Там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 272.

Орловскому Советам подготовиться к возможной эвакуации управления путей сообщения фронта, а также подписывает декрет Совнаркома о назначении Чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда — подготавливается перенесение столицы в Москву¹.

«Правда» публикует статью Троцкого о текущем моменте². Троцкий заявлял, что «наш отказ от подписания явился фактом неизмеримого агитационного воздействия, и последствия его еще скажутся в возможно близком будущем»³. Вместе с тем он подчеркивал, что германский пролетариат «оказался еще недостаточно сильным и решительным», чтобы немедленно поддержать нас, когда мы отказались от подписания договора.

Утром, когда уже вышла эта статья, Ленин в 10 часов 30 минут в присутствии Крыленко заслушивает Турчана, привезшего ответ Германии на наше предложение о заключении мира⁴. Германский ответ был, по сути дела, ультиматумом, содержащим гораздо худшие условия мира, нежели те, что первоначально предлагались немцами в Брест-Литовске⁵.

Германия соглашалась возобновить переговоры и заключить с нами мир на десяти условиях⁶.

Германия и Россия «объявляют о прекращении состояния войны», и их народы готовы «жить в мире и дружбе»⁷.

Области, которые лежат западнее сообщенной нам в Брест-Литовске линии, «не подлежат более территориальному суверенитету России», перед которой они не будут иметь «никаких обязательств», а сама Россия «отказывается от всякого вмешательства» в их внутреннюю жизнь; Германия и Австро-Венгрия определяют «будущую судьбу этих областей в согласии с их населением»; области, лежащие к востоку от указанной в Брест-Литовске линии будут немедленно очищены Германией «по заключению всеобщего мира и полном окончании русской демобилизации»⁸.

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 46.

² См.: Правда. 1918. 23 (10) февраля.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273.

⁵ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 112—113, 714; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 264—265.

⁶ См.: Приложение.

⁷ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 264.

⁸ Там же.

Лифляндия и Эстляндия подлежат немедленному очищению «от русских войск и красной гвардии и занимаются немецкими полицейскими войсками» до тех пор, пока местные власти будут в состоянии сами гарантировать спокойствие и порядок¹.

Россия тотчас же заключит мир с УНР, а последняя с Финляндией немедленно «очищаются от русских войск и красной гвардии»².

Россия будет способствовать возвращению Турции ее анатолийских провинций.

Россия должна незамедлительно провести полную демобилизацию своих армий, «включая и вновь образованные нынешним Правительством части»; военные суда России в Черном и Балтийском морях, а также в Ледовитом океане либо переводятся в русские порты, где «должны быть интернированы до заключения всеобщего мира», либо немедленно разоружаются; военные суда Антанты, находящиеся в сфере влияния России, рассматриваются как русские; немедленно восстанавливается торговое мореплавание в Черном и Балтийском морях, а в Ледовитом океане блокада «остается до заключения всеобщего мира»³.

«Германо-русский торговый договор от 1904 года снова вступает в силу», при этом добавляются к нему «гарантии свободного вывоза и право беспошлинного вывоза руды»⁴.

При возмещении за убытки частных лиц принимаются во внимание предложение германской стороны, а в отношении возмещения за содержание военнопленных — русское предложение.

«Россия обязуется прекратить всякую официальную или поддерживаемую официальными органами агитацию или пропаганду против Союзных Правительств и их государственных и военных учреждений, также и в оккупированных Центральными Державами областях»⁵.

И наконец, последний, 10-й пункт германских условий требовал в ультимативной форме их принятия: «Вышеуказанные условия должны быть приняты в течение 48 часов. Российские уполномоченные должны немедленно отправиться в Брест-Литовск и там подписать в

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 264.

² Там же.

³ Там же. С. 264—265.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Там же.

течение трех дней мирный договор, который подлежит ратификации не позже, чем по истечении двух недель»¹.

Так оборачивалось для нас звонкое и внешне эффективное заявление нашей делегации в Брест-Литовске от 28 января (10 февраля) 1918 года. Территориальные требования держав Четверного союза увеличивались, нам навязывались тяжелые экономические условия, нас принуждали идти на формальное признание Рады, выдвигался вопрос о притязаниях Турции на Кавказе.

Германский ультиматум встал в повестку дня срочно созванного заседания ЦК РСДРП(б), который собрался в составе Бубнова, Крестинского, Дзержинского, Иоффе, Стасовой, Урицкого, Зиновьева, Свердлова, Бухарина, Сталина, Троцкого, Ломова, Ленина, Сокольников, Смилги — всего в составе 15 человек; Фенигштейн, Смирнов, Шотман и Пятаков присутствовали в качестве гостей². Заседание носило бурный характер.

Оно началось оглашением Свердловым германских условий, после чего Троцкий стал разъяснять, что срок в 48 часов, очевидно, заканчивается к 7 часам утра 24 февраля³. Тогда Ленин заявил, что «политика революционной фразы окончена», и если она теперь будет продолжаться, то он (Ленин.—И. К.) «выходит и из Правительства и из ЦК», что у нас нет армии для революционной войны и поэтому необходимо принять германские условия⁴.

«Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем», говорил Троцкий, тем более что часть сторонников такой войны не приемлет принятия помощи от империалистов⁵. По мнению Троцкого, мы смогли бы справиться с положением, «если бы имели бы единомышленники»⁶. Он допускал при этом даже сдачу Петрограда и Москвы, ибо, как выразился Троцкий, «мы бы держали весь мир в напряжении»⁷. Троцкий считал, что германский ответ содержит в себе «возможность дальнейших

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 265.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273—274; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 369—371; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 247—258.

³ См. там же. С. 247.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 247.

⁵ См. там же. С. 248.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ультиматумов», что подписанием мира мы потеряли опору «в передовых элементах пролетариата», что он не согласен с оценкой Лениным нашего внутреннего состояния, а «с точки зрения международной можно было бы многое выиграть»¹. Заключая, Троцкий сказал, что поскольку мы не имеем «максимального единодушия», он не берет на себя «ответственность голосовать за войну»².

По мнению Зиновьева, «мы теперь подведены» к принятию германских условий мира, которые надо было «подписывать раньше», а сейчас каждый обязан «сделать все, чтобы не было раскола в партии»³. Критикуя германские условия, Бухарин говорил, что они «нисколько не оправдывают того прогноза, который был дан Лениным», что у нас «выхода в смысле отсрочки нет», что, по его мнению, главное сейчас заключается в том, принимаем ли мы «требования о разоружении советских войск»⁴. Сталин считал, что «можно не подписывать, но начать мирные переговоры», что требованием разоружения немцы провоцируют нас на отказ от подписания мира⁵. Он заявлял: «Вопрос стоит так: либо поражение нашей революции и связывание революции на Западе, либо же мы получаем передышку и укрепляемся»⁶. Подписанием мира, подчеркивал Сталин, революция на Западе не задерживается. Ему возражал Дзержинский, говоривший, что «передышки не будет», а произойдет усиление германского империализма, «от новых ультиматумов» которого мы не гарантированы⁷. Дзержинский согласился с Троцким в том, что, «если бы партия была достаточно сильна», чтобы вынести раскол и «отставку Ленина, тогда можно было бы принять решение, теперь — нет»⁸.

Ленин возражал против тезиса, будто своей борьбой мы будем будоражить мир, он не согласился и со Сталиным относительно того, что можно не подписывать договор. «Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через 3 недели,— подчеркивал Ленин.— Эти ус-

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 248.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

⁶ Там же. С. 248—249.

⁷ См. там же. С. 249.

⁸ Там же.

ловия Советской власти не трогают»¹. И далее Ленин решительно заключал: «У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы. Немецкая революция еще не созрела. Это требует месяцев. Нужно принимать условия. Если потом будет новый ультиматум, то он будет в новой ситуации»².

Урицкий считал, что вести переговоры нельзя, что «наша капитуляция перед германским империализмом задержит зарождающуюся революцию на Западе», что подписыванием мира «Советская власть не спасется»³. За принятие условий мира высказался Свердлов, с защитой своих позиций выступали вновь бравшие слово Бухарин и Сталин. Резко выступил Ломов. «Если Ленин грозит отставкой,— заявлял он,— то напрасно пугаются. Надо брать власть без Владимира Ильича. Надо идти на фронт и делать все возможное»⁴.

Подчеркнув, что условия мира, предъявленные нам, «теперь хуже, чем были в Бресте», и что было бы лучше, конечно, подписать мир «во время первой» поездки Каменева и Иоффе, Троцкий говорил о субъективизме в позиции Ленина⁵. «У меня нет уверенности в том, что позиция его правильна,— заключал Троцкий,— но я ничем не могу мешать единству партии, напротив, буду помогать, чем могу, но я не могу оставаться и нести персональную ответственность за иностранные дела»⁶. О последнем Троцкий ставил вопрос второе заседание ЦК партии подряд.

В пользу передышки, которая даст нам возможность двигаться дальше, говорил Сокольников, считая, что это позволяет иметь «определенную отсрочку для подготовки революционной войны», и тогда, как он сказал, «я подаю голос за подписание мира»⁷. «Договор можно толковать, и мы будем его толковать»,— говорил здесь Ленин, имея в виду положение о демобилизации армии. Он подчеркивал, что также выступает за революционную войну, но к ней «нужно серьезно готовиться», а сейчас

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 249.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 250.

⁵ См. там же. С. 250—251.

⁶ Там же. С. 251.

⁷ Там же.

«массы за мир»¹. По мнению Зиновьева, рассматривавшего пункты о демобилизации, гораздо серьезнее пункт об Украине в предъявленных условиях, но «тем не менее ультиматум должен быть принят безусловно», поскольку «выбора никакого нет» и мы можем опоздать².

После острых дебатов Ленин внес на голосование следующие вопросы:

1. Принять ли немедленно германские предложения?
2. Готовить ли немедленно революционную войну?
3. Производить ли немедленно опрос среди советских избирателей Петрограда и Москвы?

По второму вопросу, относительно революционной войны, все 15 человек высказались однозначно: да, немедленно готовить революционную войну.

За немедленное принятие германских условий мира высказались Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга — 7 человек; против были Бубнов, Урицкий, Бухарин, Ломов — 4 человека; воздержались Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе — 4 человека.

По третьему пункту 11 человек высказались «за» и воздержалось 4.

Далее на заседании развернулись еще более драматические события. Сразу же после голосования Крестинский огласил подписанное Иоффе, Дзержинским и им заявление в ЦК РСДРП (б). Все трое воздержались при голосовании пункта о немедленном принятии германских условий мира. Напоминая, что они ранее считали «невозможным» подписывать сейчас мир с Германией, товарищи подчеркивали, что с теми огромными задачами, которые встали перед страной после начала германского наступления и особенно встанут после отклонения германского ультиматума, может справиться только единая партия³. И далее шло объяснение мотивов их голосования: «Если же произойдет раскол, ультимативно заявленный Лениным, и нам придется вести революционную войну против германского империализма, русской буржуазии и части пролетариата во главе с Лениным, то положение для русской революции создастся еще более опасное, чем при подписании мира. Поэтому, не желая своим голосованием против подписания мира способст-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 251.

² См. там же. С. 252.

³ См. там же. С. 253.

воватъ созданию такого положенія и не будучи въ состояннн голосовать за мир, мы воздерживаемся от голосования по этому вопросу»¹.

Вслед за этим заявленнем тут же последовало другое, зачитанное Урицким от своего имени, а также от имени членов ЦК Бухарина, Ломова и Бубнова, кандидата в члены ЦК Яковлевой и присутствовавших на заседании Пятакова и Смирнова. Их документ гласил: «...Мы, не желая нести ответственность за принятое решение, которое мы считаем глубоко ошибочным и гибельным для русской и международной революцнн, тем более что решение это принято меньшинством ЦК, так как 4 воздержавшихся, как это явствует из их мотивировки, стоят на нашей позиции, мы заявляем, что мы уходим из всех ответственных партийных и советских постов, оставляя за собой полную свободу агитации как внутри партии, так и вне ее за положення, которые мы считаем единственно правильными»². Но и это заявление было не последним. Из 8 человек, голосовавших против или воздержавшихся, 7 — высказали мотивы, которыми они при этом руководствовались. Оставался один Троцкий, и он «свое воздержанне» мотивировал тем, что «необходимо было найти выход из создавшегося положення», что таковым «было не препятствовать созданию большинства для получения единой линии»³.

Таким образом, внутрипартийная борьба по вопросу о мире вступала в новый фазис своего развития. А заседание, шедшее уже несколько часов, продолжалось⁴. И положенне неожиданно обострилось в связи с заявлением большой группы товарищей об уходе с ответственных партийных и советских постов. Надо было решать вопрос, как поступать в создавшейся обстановке, и обмен мнениями продолжался.

На вопрос Ломова, допускает ли Ленин в какой-либо форме агитацию против подписания мира, последний ответил утвердительно. Свердлов предложил, чтобы подавшие заявление товарищи остались «на своих постах до съезда» партии и вели «в партийных кругах свою агита-

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 253.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273—274.

цию»¹. В связи с последним предложением Ленин высказался в том смысле, что есть небольшой срок до подписания мира и определенное время для ратификации, за которое «можно получить мнение партии, и если она выскажется против подписания, то ратификации не последует»².

Как поступить в этом случае? Ленин из-за недостатка у всех времени предлагает отложить решение до 24 февраля, и Свердлов ставит этот вопрос, если товарищи свой уход с постов откладывают до завтра. «Мы лояльны и не считаем возможным агитировать, оставаясь членами учреждения»³, — возразил Урицкий. Такую возможность, по его мнению, дает только уход с постов. Сталин заостряет вопрос: не есть ли уход с постов фактический уход из партии и не означает ли это, что товарищи «не обязаны» подчиняться решениям партии? Он напомнил также, что «брестское решение тоже было принято большинством одного голоса», имея в виду обращение к Германии с предложением о мире после начала немецкого наступления⁴. Ленин сказал, что уход из ЦК не есть уход из партии, а Урицкий по поводу реплики Сталина о «брестском решении» заявил, что тогда о мотивах голосования не говорили, а сегодня «большинство ЦК не стоит на точке зрения Ленина», и, «кто является выразителем мнения партии», решит съезд⁵. «Ленин считает, что, подписывая мир, мы укрепляем Советскую власть, — высказался здесь Ломов, — а мы считаем, что мы ее подрываем»⁶. По мнению Троцкого, «воздерживаясь от голосования, мы поддерживаем постановление», и, продолжая, добавил, что, «может быть, он голосовал бы иначе, если бы знал, что его воздержание поведет к уходу товарищей»⁷. С просьбой отложить заявление об уходе «до завтра или до съезда» обратился к подавшим его Сталин, добавив: «если они хотят ясности, а не раскола»⁸.

Когда Троцкий предложил прервать заседание, Урицкий сказал, что заявление они считают поданным и от

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 254.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 254—255.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

постов отказались, но «на обсуждение завтра придут», а Ломов добавил, что они не могут откладывать свое заявление, ибо «ответ немцам не откладывается, а посылается тотчас же»¹. Крестинский предложил предоставить свободу агитации и «разрешить не голосовать» этим товарищам в Совнаркоме, но Ломов не согласился с этим, сказав, что через две недели «сегодняшнее решение может быть аннулировано и признано ошибкой», и они не могут «участвовать в ней»².

Мы не уходим из партии, говорил Урицкий, и если нам предоставляют «свободу агитации и свободу голосования в ЦИК, то мы,— заявил он,— отсрочиваем наше решение» об уходе с постов³. И когда Свердлов спросил, как они думают поступать во время голосования (против или воздерживаться), Урицкий ответил, что «раз ему не запрещена свобода действия, то он уходит из зала»; взявший слово Смирнов сказал, что он не может нести ответственность за то, с чем не согласен, а потому «не откладывает своего решения», на что Ленин предложил товарищам выходить из зала заседаний во время голосования и не подписывать документов, чтобы не нести ответственности, «но не бросать дела в Совете»⁴.

Таким образом, товарищи не выходят из состава ЦК и комиссариатов, сказал, подытоживая, Свердлов и предложил наметить дальнейшую работу на 23 февраля. Она была определена следующим образом: объединенное заседание ЦК большевиков и ЦК левых эсеров; заседания фракций этих партий в ЦИК; заседание ЦИК с Петросоветом, но с отдельным голосованием. На этом заседании ЦК РСДРП(б) было прервано до 24 февраля.

После длительного вынужденного «молчания» Ленин решительно вступал в борьбу в открытой печати с противниками немедленного заключения мира. Сразу же после заседания ЦК РСДРП(б) он пишет небольшую статью «Мир или война?», которая публикуется в вечернем выпуске «Правды»⁵. В ней Ленин впервые за полтора месяца доводит свою позицию по вопросу о мире до

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 255.

² Там же.

³ См. там же. С. 256.

⁴ Там же.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274.

сведения всей партии под своей фамилией; он пишет, что статьи «О революционной фразе» и «О чесотке» за подписью «Карпов» были его, а завтра, то есть 24 февраля, будут опубликованы и его «тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»¹. Теперь Ленин выступал уже перед всеми как руководитель Советского правительства и общепризнанный авторитет в нашей партии и в ее руководстве. Подчеркивая, что он объявляет «беспощадную борьбу» революционной фразе, Ленин пишет, что лично он «ни секунды не остался бы ни в правительстве ни в ЦК нашей партии, если бы политика фразы взяла верх»². И, заключая, Ленин заявлял: «Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть»³.

Ленин готовится к напряженнейшей вечерней «работе» по отстаиванию позиций немедленного подписания мира на германских условиях на предстоящем вечером заседании ЦИК. Днем он отдает письменное распоряжение для радиостанции Царского Села обеспечить в ночь с 23 на 24 февраля до 7 часов утра, то есть до окончания срока германского ультиматума, безотлагательную и с полной гарантией передачу радиотелеграммы Совнаркома правительству Германии⁴. Во второй половине дня он беседует с Председателем ВЦИК Свердловым и председателем Петросовета Зиновьевым в связи с предстоящим обсуждением на заседании ВЦИК германских условий⁵. Вечером он вместе с другими членами СНК едет в Таврический дворец — борьба за мир вступала в решающую фазу⁶.

Коридоры Смольного и Таврического дворца весь день и вечером 23 февраля, а также в ночь на 24 февраля были заполнены людьми, бурлили. Здесь находились члены руководства партий большевиков и левых эсеров, ВЦИК и Петросовета, фракций этих двух партий в ЦИК и Петросовете. Надо сказать, что наступление немцев

---

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 366—368; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 96—97.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 367.

³ Там же.

⁴ См. там же. Т. 54. С. 391—392, 695; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274—275.

⁶ См. там же. С. 275.

вносило определенное отрезвление среди тех, кто полагал, что германский империализм будет не в состоянии выступить против нас, что в противном случае это вызовет движение в самой Германии. Но немцы наступали, а в Германии ничего не происходило, и сторонники «ни мира, ни войны» несколько подрастерялись. Зато возросла активность тех, кто требовал ведения революционной войны. Это проявилось уже днем 23 февраля на заседании Петросовета, когда Зиновьев объявил о согласии Совнаркома подписать мир на германских условиях¹. Сообщение Зиновьева было встречено сдержанно теми, кто придерживался линии Троцкого, и бурными протестами сторонников революционной войны. Так, Радек и Рязанов выступили с позиций «никаких уступок империалистам» и призывали потребовать от СНК и ЦИК отказаться от каких-либо переговоров с немцами².

Вечером Ленин участвует в объединенном заседании ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров, на котором выступает с резкой критикой тех, кто требует отклонить германские условия мира и вести революционную войну³. Затем Свердлов открывает объединенное заседание фракций большевиков и левых эсеров во ВЦИКе⁴. Он сказал, что ЦК большевиков высказался за подписание мира, но полного единства в ЦК РСДРП(б) нет; не было, кстати, этого единства и у левых эсеров⁵. Подчеркнув, что от решения вопроса о мире зависит судьба Советской власти, Свердлов предложил сначала заслушать доклад главковерха Крыленко о положении на фронте⁶.

Это заседание проходило в напряженнейшей обстановке. Крыленко доложил о стихийной демобилизации армии, которую невозможно уже остановить, и сказал, что только немедленное подписание мира может спасти Советскую власть. Из-за недостатка времени решили ограничить число ораторов — по два от каждой фракции. Радек от большевиков и левый эсер И. З. Штейнберг выступили против подписания мира⁷. Затем Свердлов предоставил слово Ленину, который говорил в защиту

---

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 104.

² См. там же. С. 104—105.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5 С. 275.

⁴ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 106.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 490.

⁷ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 106—107.

подписания мира. Он подчеркнул «полную невозможность сопротивления германцам», а также «сорганизовать армию» в короткий срок и указывал, что «для нас самым лучшим исходом является выигрыш времени»¹. Левые эсеры не выставили второго докладчика, но приветствовали взявшего слово большевика Рязанова, который снова, как и на заседании в Петросовете, выступил против подписания мира². Никаких решений на этом заседании не принималось.

После выступления Рязанова большевики перешли в другой зал на заседание своей фракции³. Перед его началом Ленин выяснял отношение к вопросу о войне и мире рабочих — членов фракции, попросил Крупскую поговорить по этому вопросу с М. И. Лацисом и другими руководителями петроградских большевиков, беседовал с Бухариным о предстоящем голосовании во ВЦИК вопроса о заключении мира⁴.

Заседание большевистской фракции ВЦИК, которое проходило совместно с активом Петроградской партийной организации, началось поздно вечером и длилось несколько часов, закончившись уже далеко за полночь 24 февраля⁵. Ленин вновь обосновывает необходимость немедленного подписания мира с державами австро-германского блока, отвечает на вопросы⁶. При определении позиций против подписания мира выступили А. В. Луначарский, Ю. М. Стеклов, воздержался Володарский. Противники заключения мира, в частности Стеклов, настаивали на «свободе» голосования во ВЦИК, то есть фактически ставили вопрос о неподчинении партийной дисциплине⁷. Большинством голосов это требование было отвергнуто и принято решение всем голосовать на заседании ВЦИК за подписание мира⁸.

После многочасовых заседаний фракций и партийных руководств в 3 часа ночи 24 февраля Свердлов открыл заседание ВЦИК, посвященное одному вопросу — отве-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 372.

² См. там же. С. 490; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 107.

³ См. там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 276.

⁵ См. там же.

⁶ См.: *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 111; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 107.

⁷ См. там же. С. 108.

⁸ См. там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 490.

ту на условия мира, предложенные германским правительством¹. Поскольку вопрос этот во фракциях был уже освещен, то договорились, что докладчик от СНК будет иметь 15 минут времени, а ораторы от фракций — 10 минут².

Огласив немецкие условия мира, Свердлов предоставил слово Ленину. Последний страстно защищал необходимость принятия условий мира. Он говорил: «Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь. И при таком положении мне приходится, чтобы не скрывать от вас горькой правды, которая является моим глубоким убеждением, сказать вам, что иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет»³.

Ленин говорил, что после трех лет войны наша армия воевать «ни в коем случае не может и не хочет», и это главная причина, почему мы вынуждены принять германские условия мира⁴. При этом Ленин подчеркивал, что понимает всю ответственность, какую он берет на себя этим заявлением. «Мы сделали все, что возможно, для того, чтобы затянуть переговоры, мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то,— говорил Ленин,— что после брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо»⁵. И на нападение хищника, продолжал Ленин, мы не можем ответить, ибо у нас нет сил, ибо «воевать можно только с народом», а массы не хотят войны, и они «поймут нас и оправдают, когда мы подпишем этот вынужденный и неслыханно тягостный мир»⁶.

После Ленина слово от фракции меньшевиков-интернационалистов взял Мартов⁷. Соглашаясь во многом с

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 24 февраля; Правда. 1918. 26 (13) февраля; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 276.

² См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 26 февраля.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 376.

⁴ См. там же. С. 377.

⁵ Там же. С. 378.

⁶ Там же. С. 379.

⁷ См.: Известия ЦИК. 1918. 24 февраля; Правда. 1918. 26 (13) февраля.

Лениным, он тем не менее считал, что принятие условий мира «послужит препятствием для международной революции». Он назвал «самообманом» надежду на то, что, подписав мир, мы получим передышку и, собравшись с силами, сможем «продолжать начатое дело». Это не только несчастный мир, говорил Мартов, но он «явится финалом русской революции», ибо «лишает нас политической самостоятельности, и, раз оступившись, мы уже не удержимся»; и оратор снял ответственность своей фракции за его подписание. По мнению Мартова, есть только два выхода из положения: «или сражаться с надеждой на успех, или погибнуть, как Парижская коммуна». Кстати, многие из тех, кто выступал против подписания мира и требовал ведения революционной войны, через несколько дней окажутся в Москве, подальше от немцев: туда переберутся ЦК партии правых эсеров, редакция их газеты «Дело народа», почти 80 членов Учредительного собрания от его правого крыла и другие¹.

От фракции правых эсеров выступали М. А. Лихач и З. Г. Гринберг, и оба против подписания мира. Точку зрения Ленина защищал Зиновьев, подчеркивавший, что призывы к «священной войне» — это только фразы. Говоривший от фракции анархистов-коммунистов А. Ю. Гензель назвал подписание мира соглашением с буржуазией и с пафосом заявил: «Анархисты-коммунисты провозглашают террор и партизанскую войну на два фронта. Лучше умереть за всемирную социальную революцию, чем жить за счет соглашения с германским империализмом».

С большой и несколько противоречивой речью, которая свидетельствовала об отсутствии в партии единства по вопросу о мире, выступил от левых эсеров Камков. Те, кто отклоняет германские условия мира, говорил он, берут на себя большую ответственность, ибо если мы его не заключим, то нас ждут тяжелые испытания и, может быть, разорение. «Но тем не менее,— продолжал Камков,— мы говорим: другого выхода нет, как немедленно отклонить эти условия, ибо мы находим, что факт подписания мира окажет роковое влияние на развитие революции». Камков подчеркивал, что мы боремся «не за сохранение той или иной территории», а за сохранение «социалистической России, являющейся очагом социальной революции» и вызывающей ответное движение в

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

других странах; в то же время он заявлял: «Мы считаем невозможным подписать условия, хотя мы и не скрываем того, что вооруженного сильного сопротивления в том смысле, как это понимают милитаристы, мы оказать не сможем. Наш взгляд таков, что, не подписывая мира, мы должны немедленно объявить право всех народов на восстание, а задачи Советов и здесь и на местах — оказание всемерной поддержки международному восстанию рабочих». Думается, что в речи Камкова отразилась и некоторая растерянность в рядах партии левых эсеров перед лицом создавшейся обстановки.

После выступления Камкова Свердлов сказал, что список ораторов исчерпан и необходимо переходить к голосованию по вопросу о мире. Предложение большевиков заключалось в том, чтобы принять германские условия и подписать мир. Левые эсеры потребовали проводить поименное голосование, то есть каждый член ЦИК должен был подняться и лично сказать — «за» или «против». Эта последняя процедура должна была, естественно, занять продолжительное время, и собрание решило, что сначала надо выяснить результаты голосования карточками, а затем провести поименное голосование. В 4 часа 30 минут утра 24 февраля ЦИК принял германские условия мира: 112 — за, 84 — против, 24 — воздержавшихся¹. Понадобился еще час, чтобы выяснить результаты поименного голосования: 116 — за, 85 — против, 26 — воздержавшихся². Противники заключения мира среди большевиков во время голосования, как это было оговорено ранее на заседании большевистской фракции, покинули зал заседания, но Бухарин и Рязанов все же остались и голосовали против³. Большевики Володарский, Луначарский и Стеклов, подчиняясь партийной дисциплине, голосовали за принятие германских условий мира⁴. Не голосовали 2 анархиста-коммуниста, воздержавшимися были левые эсеры, выступавшие за подписание мира⁵.

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

² См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 491; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 258; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 230; Ступоченко Л. В Брестские дни. М., 1926. С. 28—29.

⁴ См.: Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 108.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

Заседание ЦИК закончилось около 6 часов утра, и тут же состоялось совместное заседание СНК и Президиума ЦИК, рассмотревшего и одобдившего ответ державам Четверного союза относительно германских условий мира¹. В 7 часов утра 24 февраля радиограмма СНК ушла в Берлин, Вену, Софию и Константинополь². «Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4¹/₂ часа ночи,— говорилось в ней,— Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск» для подписания мирного договора³. Под текстом стояли подписи Председателя СНК В. Ульянова (Ленина) и народного комиссара по иностранным делам Л. Троцкого⁴. В 7 часов 32 минуты утра 24 февраля советская правительственная телеграмма была принята в Берлине⁵.

После того как СНК дал согласие на принятие условий мира, главковерх Крыленко запросил германское командование, будут ли теперь прекращены военные действия со стороны немцев, но последние, хотя телеграмма Крыленко и была принята ими в 13 часов 35 минут, молчали и продолжали наступать⁶. Только поздно ночью 24 февраля Гофман ответил, что они будут наступать до тех пор, пока не будет подписан мир⁷.

Утром 24 февраля «Правда» печатает, как мы уже говорили, ленинские тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира в виде его статьи «К истории вопроса о несчастном мире», а также заметку «Несчастный мир»⁸. «Троцкий был прав, когда сказал: мир может быть трижды несчастным ми-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 109.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 381; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 265—266.

⁴ См. там же. С. 266; Известия ЦИК. 1918. 26 февраля; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 112.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁶ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286; Правда. 1918. 26 (13) февраля; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 231.

⁷ См. там же.

⁸ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274, 275, 277.

ром,— писал Ленин в заметке,— но не может быть похабным, позорным, нечистым миром мир, заканчивающий эту стократ похабную войну»¹. Подчеркивая, что «нас придавил и унизил хищник», Ленин тем не менее выражал уверенность в том, что «мы сумеем вынести все эти тяготы»².

В газетах появились и первые статьи, комментирующие ночное заседание ЦИК, принявшего германские условия мира. Могут ли русские рабочие и крестьяне сейчас собственными силами дать бой немцам, ставила, например, вопрос «Правда»³. Если могут, то наша обязанность воевать, а если нет, то мы обязаны подписать мир, «как бы тяжел он ни был». Было бы ошибкой, если бы при возможности выбрать между войной и миром мы выбрали бы продолжение войны. «Раз история,— подчеркивала «Правда»,— предоставила нам эту возможность выбора — он должен быть в пользу мира».

Со злорадством комментировала правая и буржуазная печать России переход немцев в наступление, их продвижение в глубь страны. Вот один из образчиков этих «комментариев» тех дней. «Наступил последний акт трагедии,— писала «Амурское эхо». — Окровавленная и обессиленная Россия лежит у ног кайзера Вильгельма. Теперь уже не остается никакого сомнения, что «пломбированные» диктаторы из Смольного являются сознательными изменниками и предателями»⁴. И на следующий день газета «точно» сообщает читателям цену этого «предательства»: Троцкий получил от немцев 400 тысяч в кронах, Камков — 82 тысячи во франках, Ленин — 662 тысячи в марках, получали также Зиновьев, Луначарский, Каменев, Коллонтай и другие лидеры большевиков. Эти данные, подчеркивала газета, «помогут протереть глаза одураченным гражданам и увидеть, что вместо социал-реформаторов ими правят просто-напросто немецкие наемники и агенты...»⁵.

После того как радиотелеграмма Совнаркома о принятии германских условий мира была отправлена, Ленин, во избежание каких-либо «проволочек» со стороны немцев, подписывает удостоверение советскому курьеру В. А. Баландину, которого СНК уполномочил передать

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 382.

² Там же. С. 383.

³ См.: Правда. 1918. 24 (11) февраля.

⁴ Амурское эхо. 1918. 23 (10) февраля.

⁵ Там же. 1918. 24 (11) февраля.

германскому верховному командованию текст нашего официального ответа, а также принять пакет, если таковой будет, для Советского правительства¹.

В отправленной нами радиотелеграмме говорилось о посылке делегации в Брест-Литовск. Этот вопрос обсуждался на заседании ЦК РСДРП(б) 24 февраля². На заседании присутствовали Свердлов, Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Урицкий, Смилга, Зиновьев, Иоффе, Сталин, Ленин, Сокольников, Стасова — всего 12 человек; в сравнении с заседанием предыдущего дня отсутствовали Ломов, Бубнов и Бухарин. В качестве гостей были А. Смирнов, Лацис и Петровский.

Первым обсуждался вопрос о делегации, направляемой в Брест-Литовск для подписания мирного договора. Ленин, высказываясь за сохранение преемственности в составе делегации, сказал, что одного Карахана для этого недостаточно и желательно, чтобы поехали также Иоффе и Зиновьев. Но кандидатуру последнего отводил Свердлов, имея в виду предполагавшуюся поездку Зиновьева в Москву для отстаивания там в партийных кругах позиции принятия германских условий и подписания мира³. Свердлов предложил кандидатуры Сокольникова, Карахана и Чичерина. В отношении Иоффе Свердлов сказал, что это было бы желательно, но тот «считает насилем такое требование»⁴. Дело в том, что Иоффе выступал против подписания мира на германских условиях. По этому поводу выступали Иоффе, Ленин, Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Сокольников. Иоффе спросил, будет ли в случае его поездки опубликовано заявление, которое он подписал вместе с Дзержинским и Крестинским относительно воздержания при голосовании вопроса о мире и которое было оглашено на предыдущем заседании ЦК РСДРП(б)⁵. Это будет сделано независимо от поездки, ответил Свердлов, и Иоффе даже в этой связи может написать свое мотивированное заявление; в тот же день Иоффе подал в ЦК партии такое заявление, в котором объяснял, что «в интересах сохранения

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277.

² См. там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 385—388; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 259—270.

³ См. там же. С. 259, 270.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 262—263, 252—253.

возможного единства партии» он подчиняется решению и едет в Брест-Литовск в качестве консультанта, не несущего «никакой политической ответственности», и оно 7 марта 1918 года будет опубликовано в «Правде»¹.

Свердлов предложил также во главе делегации поставить Сокольников, по кандидатуре которого вспыхнула дискуссия при участии Свердлова, Зиновьева, Ленина, Троцкого и самого Сокольникова, который заявил, что «ввиду неодобрения его поведения в первую поездку он не поедет и в случае настаивания выходит из ЦК»; в ходе прений обсуждалась и кандидатура Зиновьева в качестве главы делегации². Договорились, что делегацию возглавит Сокольников, вторым в ней будет Петровский, поедут также Карахан и Чичерин. Проголосовали также желательность и необходимость поездки Иоффе, но без обязательности для него этого решения, и большинство высказались утвердительно.

После решения вопроса о составе делегации перешли к обсуждению заявления в СНК А. Ломова, В. М. Смирнова, М. С. Урицкого, Г. Л. Пятакова, Д. П. Боголепова и А. П. Спундэ об их уходе с занимаемых постов в Совнаркоме, поскольку они не считают возможным «взять на себя ответственность за принятие германского ультиматума»³. Обстоятельства этого заявления в СНК, передаваемого через ЦК партии, было изложено Урицким, подчеркнувшим, что «решение это не единоличное, а коллегиальное»⁴. Тут же напомнил «о заявлении, поданном им дней 5 тому назад», относительно сложения с себя полномочий наркома по иностранным делам и Троцкий; об этом он заявил также, как мы уже говорили, на заседании ЦК партии 22 февраля⁵.

По поводу этих заявлений Крестинский предложил обсудить вопрос о том, что товарищи пока остаются на своих постах, «не неся политической ответственности при полной свободе отстаивания своей точки зрения в пар-

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 295—296; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 224.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 264, 263.

³ Там же. С. 264; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП, Август 1917—февраль 1918. С. 264.

⁵ См. там же. С. 265, 270, 245.

тии, в печати и на собраниях», а Свердлов предложил пока и «не обсуждать вопроса о Троцком», с чем последний не согласился, заявив, что он «не мешал работе», но в дальнейшем «не считает более возможным говорить от имени ЦК, так как он не может защищать позиции»¹.

Положение создавалось очень тревожное и опасное, грозило нестабильностью. Зиновьев убеждал Троцкого «остаться до подписания мирного договора, ибо кризис еще не разрешился» и «в такой самый тяжелый момент кризиса нельзя уходить», а Сталин высказывал недоумение по поводу той быстроты и натиска, с которыми действуют товарищи, хотя «прекрасно знают, что их не кем заменить», и ставил вопрос, «зачем они это делают?»². Но Троцкий не соглашался с их доводами, выдвигал свои, говоря, что не может оставаться на посту наркома по иностранным делам, так как «вынужден отстаивать позицию, с которой он не согласен» и за которую «не хочет больше нести ответственности»; о том, что они «снимают с себя политическую ответственность и ведут свою агитацию, которую считают своей первейшей работой», заявил и Урицкий³.

Обосновывая свою позицию, Сталин говорил, что действия товарищей «провинция поймет... как фактический раскол», что «своим поведением они ставят и аппарат и партию в такое положение, что надо всем партийным товарищам уйти»⁴. Троцкий, касаясь затронутой Сталиным темы раскола партии, заявил, что статьи Ленина в печати «первые внесли раскол», что сейчас в партии имеется «два очень резко отмежеванных друг от друга крыла», что он, Троцкий, «не желая раскалывать партию», хотел бы сложить с себя полномочия «в самой недемонстративной форме», но для этого он должен знать, к кому отсылать обращающихся к нему с вопросами; сам Троцкий считал, что текущую работу мог бы вести Чичерин, «а политическое руководство должен взять Ленин»⁵. Однако Ленин счел это неприемлемым, заявив, что «смена политики — это кризис», что сейчас путем опроса провинции, проводимого на основании решения ЦК партии от 23 февраля⁶, выяснится отношение к подписанию ми-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 265.

² Там же.

³ См. там же. С. 265—266.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. С. 266—267.

⁶ См. там же. С. 252; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 387, 491.

ра на германских условиях, что «полемизировать немного отнюдь не вредно», что он вносит предложение — ЦК просит Троцкого «отложить свое заявление до следующего заседания», даже «до возвращения делегации из Бреста»¹.

Троцкий продолжал настаивать на своем, говоря вместе с тем, что заявление о сложении своих полномочий он не публикует, но и «не участвует в официальных учреждениях», в СНК и в ЦИК². И тогда Ленин ставит на голосование предложение: ЦК, «не считая возможным в настоящий момент принять отставку» Троцкого, просит его отсрочить свое решение до возвращения делегации из Бреста или «до изменения фактического положения дел»³. Это предложение принимается всеми при 3 воздержавшихся. Но и после этого Троцкий заявил, что «он внес свое заявление, что оно не принято», и поэтому он «вынужден устраниваться от появления в официальных учреждениях»⁴. И снова Ленин ставит на голосование предложение: ЦК, выслушав заявление Троцкого, «вполне мирясь» с его отсутствием в СНК «по иностранным делам», просит Троцкого «не отстраняться от других решений»⁵. Это предложение также принимается.

Заседание продолжалось, и Ленин прилагает усилия к тому, чтобы не допустить раскола в руководстве партии. Вроде бы «договорились» с Троцким, но вот Урицкий выразил надежду, что заявление его, Ломова, В. Смирнова, Г. Пятакова, Д. Боголепова и Спундэ «о выходе из ЦК и с ответственных постов будет опубликовано»⁶. В ответ Ленин предлагает решить этот вопрос приблизительно аналогично предыдущему: ЦК просит подавших заявление отсрочить его выполнение «до возвращения делегации из Бреста» и обсудить это в самой группе товарищей⁷. Урицкий тут же заявил, что «они уже считают себя ушедшими из ЦК и с ответственных постов»⁸. Тогда в поддержку предложения Ленина выступил Дзержинский, заявив, что «мы просим товари-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 267.

² См. там же.

³ Там же. С. 267—268.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См. там же.

⁸ Там же.

щей не быть саботажниками и не портить работы»¹. В свою очередь Крестинский вновь просит поставить на голосование его предложение: товарищи остаются на постах, не несут политической ответственности и полностью свободны в отстаивании своей точки зрения².

Сформулировал два своих предложения Ленин: ЦК признает «законным требование четверки» (речь шла о заявлении на заседании ЦК партии 23 февраля товарищей, среди которых были 4 члена ЦК — Бухарин, Ломов, Бубнов и Урицкий³), но просит их обсудить предложение об отсрочке своего решения как «ввиду близости съезда, так и ввиду сложности политической обстановки»⁴; гарантируя публикацию заявлений товарищей в «Правде» (здесь речь уже шла о всех подавших заявление в отставку), ЦК просит их пересмотреть свое решение и обсудить возможность остаться на ответственных советских и партийных постах.

Внес также предложение и Троцкий: считая, что после сложения четверкой своих «политических функций» их выход из партийного руководства «грозит стать точкой отправления раскола в партии», ЦК предлагает им остаться в руководстве партии, сохраняя за товарищами «право свободной агитации против принятого ЦК решения» по вопросу о мире⁵. Троцкий всегда оставался Троцким, и в часы «икс» свой несомненно талантливый ум и бесспорный авторитет использовал прежде всего в своих интересах.

Голосовали все 4 предложения. За предложения Крестинского и Троцкого высказались все, за первое и второе предложения Ленина было подано одинаково: 5 — за, 1 — против, 3 — воздержались.

Так закончилось это очень «тяжелое» заседание ЦК партии, где дебаты часто шли «на грани» раскола. В этот же день Ленин вместе со Свердловым подготавливает от имени Оргбюро ЦК РСДРП(б) важное обращение к членам партии — «Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире», в котором подробно излагались мотивы, побудившие ЦК выс-

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 268.

² См. там же. С. 265.

³ См. там же. С. 253.

⁴ Там же. С. 269.

⁵ См. там же.

казаться за принятие германских условий мира¹. Одновременно в нем откровенно говорилось о положении в партии по вопросу о мире и содержался призыв к долгу каждого коммуниста. «Организационное бюро ЦК считает необходимым указать,— заявлялось в обращении,— что единогласия в ЦК по вопросу о подписании условий мира не было. Но раз принятое решение должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд и на нем лишь можно будет разрешить вопрос, насколько правильно ЦК выражал действительную позицию всей партии. До съезда все члены партии во имя партийного долга, во имя сохранения единства в наших собственных рядах, проводят в жизнь решения своего центрального руководящего органа, ЦК партии»². Защита революционной войны в настоящий момент, когда мы не имеем армии, указывалось в обращении, неминуемо сбивается на революционную фразу. Но если немцы не прекращают наступления, заключалось в документе, то «все члены партии должны организовать дружный отпор», если мы не можем даже путем «крайне тяжелого» мира получить «хотя бы и короткую передышку», то «партия должна призывать массы к борьбе, к самой энергичной самозащите»³.

Это обращение к партии, опубликованное в «Правде» 26 февраля, было как нельзя более кстати. Революционная фраза захлестывала Московскую партийную организацию. 24 февраля Московское областное бюро РСДРП по предложению Стукова единогласно приняло резолюцию о недоверии ЦК. «Обсудив деятельность ЦК,— говорилось в ней,— Московское областное бюро РСДРП выражает свое недоверие ЦК ввиду его политической линии и состава и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией»⁴. В объяснительном тексте к резолюции Московское областное бюро зая-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 389—392.

² Там же. С. 389.

³ Там же. С. 392.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 296; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 237.

вляло, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время», оно как бы выдвигало себя в качестве объединительного центра «всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии»¹. Там же, наконец, содержалось и такое сверхреволюционное «разъяснение» к принятой резолюции, которое навсегда обтало в нашей истории как образец политической глупости: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной»².

В тот же день, 24 февраля, собрание Московского комитета РСДРП совместно с представителями от городских районов в принятой резолюции подчеркивало, что «считает абсолютно неприемлемым мир на условиях, предложенных австро-германской коалицией»; 26 февраля эта резолюция была опубликована в газете «Социал-демократ»³. К этой резолюции присоединилась и проходившая общегородская Московская конференция РСДРП(б)⁴.

24 февраля в 19 часов Володарский открыл заседание Петросовета и предоставил слово Зиновьеву по вопросу о мире⁵. Зиновьев рассказал о причинах, побудивших ЦИК принять решение подписать тяжкий мир, он говорил, что все нами делалось не за спиной народа, а открыто «и если нас, быть может, в чем-нибудь смогут упрекнуть, так только в том, что мы не заключили мира в Бресте на менее тяжелых условиях». Зиновьев сказал, что перед голосованием в ЦИК стоял один вопрос: есть ли другой приемлемый выход, кроме подписания мира на германских условиях? И большинство ответило «нет». Меньшинство не согласилось, но не давало и другого ответа, ибо «то, что они предлагали, т. е. продолжение войны, в сущности является испарыванием собственного живота». Нам дали две недели на утверждение мира, продолжал Зиновьев, и, конечно, за это время многое

---

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 237.

² Там же.

³ См. там же. С. 238.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 28 февраля и 1 марта.

может произойти в международной обстановке, но в данный момент было бы, подчеркнул он, «непростительным легкомыслием открыть военные действия».

Выступавший от левых эсеров Фишман напомнил, что против подписания мира голосовали в ЦИК не только левые эсеры, правые фракции, но и некоторые члены ЦК партии большевиков. Он говорил, что подписание такого мира губительно для международной революции, Советской власти. Фишман заявлял, что выход — в ведении революционной войны и «если международная революция не придет на помощь, то мы погибнем, но погибнем с честью». Он утверждал также, что крестьяне осудят это решение ЦИК.

С резкой критикой левых эсеров выступил Володарский, говоривший, что он сам еще недавно был противником мира, но сейчас считает, что иного выхода у нас нет. Ерманский, выступавший от объединенных меньшевиков, призывал к организации немедленного вооруженного отпора немцам, а представитель эсеров центра Лившиц ратовал за продолжение войны.

После прений огромным большинством голосов была принята предложенная большевиками резолюция, одобряющая решение ЦИК по вопросу о заключении мира на германских условиях¹. Резолюции, предложенные меньшевиками и правыми эсерами, собрали всего 27 и 30 голосов соответственно². Заседание Петросовета уже заканчивалось, когда с внеочередным заявлением выступил Лашевич, сообщивший присутствующим о взятии немцами Пскова³. Настал момент, заявил он, когда от слов надо уже переходить к делу. Было решено объявить заседания Петросовета постоянными и немедленно принять меры к организации эшелонов для отправки на фронт.

24 февраля немцы помимо Пскова заняли Юрьев, Остров⁴ и продвигались, не встречая особенного сопротивления, дальше. Граф Чернин в одном из своих документов этого времени писал: «Политика Троцкого, выраженная словами «ни мира, ни войны» и приведшая к разрыву брест-литовских переговоров, оказалась пышным жестом и ничем больше. Германские армии спокой-

¹ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

² См. там же. 27 (14) февраля.

³ См. там же. 26 (13) февраля.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

но продвигались на восток...»¹ В свою очередь Гинденбург вспоминал, что «проведение операций почти нигде не встретило серьезного сопротивления»². «Наступавшие германские войска, состоявшие большей частью из ландвера, в удивительно короткий срок заняли Нарву, Псков, Полоцк, Оршу и Могилев,— подчеркивал также Э. Людендорф.— Русские не оказали никакого сопротивления. Военная добыча была огромна. ...Одновременно с вступлением в большевистскую Великороссию началось и германское наступление на Украине. ...Большевистские войска оказывали лишь незначительное сопротивление...»³

Падение Пскова, находившегося в восьми часах пути от Питера, поставило революцию в тяжелейшее положение. Петроград всколыхнулся. Прошло чуть более двух суток после публикации декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности!», и никто, конечно, не ожидал, что немцы так быстро окажутся у ворот столицы. Все на что-то надеялись, что-то ждали, и работа по организации действительного отпора врагу в общем-то шла не теми темпами и не в тех масштабах, как того требовала обстановка. Настроение благодушия еще пока преобладало. Сыграло свою роль, и это очевидно, положение в руководстве партии.

И когда пришло известие о взятии Пскова, а это произошло в 19 часов⁴, в Смольный сразу же стали прибывать члены ЦИК. Всех словно встряхнуло. И хотя день был воскресным, но гудки заводов и фабрик гудели всю ночь. Комитет обороны Петрограда немедленно обратился к трудящимся с воззванием о мобилизации для рытья окопов и защиты города⁵. Прибывавшие члены ЦИК распределялись по специальностям и вместе с военными приступали к формированию отрядов, к организации снабжения и транспорта⁶. В рабочих районах началась запись в боевые дружины, раздавалось оружие. Уже поздним вечером по направлению к Пскову было отправлено 10 добровольческих отрядов во главе с членами

---

¹ Архив полковника Хауза. М., 1939. Т. 3. С. 268.

² Воспоминания Гинденбурга. С. 67.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 136—137.

⁴ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

ЦИК¹. Совнарком заседал всю ночь непрерывно, Ленин до 4 часов утра следил за формированием рабочих отрядов на защиту Петрограда².

Псков был занят германским отрядом в несколько сот человек, который усиленным пешим маршем прибыл из Острова; из Пскова немцы двинулись на Нарву и Дно, постоянно получая подкрепления³. На складах Пскова находилось на 400 миллионов рублей запасов и снарядов; при отходе из города были взорваны железнодорожный мост в 15 километрах от Пскова, прилегающие пути и шоссе, многое удалось вывезти со складов, увезти вагоны, но немало досталось и немцам⁴.

Вечером 24 февраля Ленин удостоверяет полномочия членов советской мирной делегации Сокольников, Петровского, Чичерина и Карахана на право подписания от имени нашей страны мирного договора, подписывает два свободных таких же бланка с полномочиями членам ВЦИК, а также удостоверение Иоффе как консультанта делегации⁵. В 22 часа делегация выехала в Брест⁶. В этот же день за подписью Сталина была отправлена телеграмма В. П. Затонскому и Аусему о необходимости посылки в Брест-Литовск делегации Украинской Советской Республики⁷.

25 февраля немцы заняли Ревель и Борисов⁸. Весь день Ленин озабочен делами, связанными с обороной Петрограда, формированием частей на фронт, германскими условиями мира, поездкой нашей делегации в Брест-Литовск. Под утро 25 февраля он выступает перед отрядами петроградских рабочих, отправляющимися на защиту города от немцев, а затем беседует относительно обороны города с начальником штаба главковерха М. Д. Бонч-Бруевичем и руководящими работ-

---

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

² См. там же; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 27 февраля.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278.

⁶ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁷ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

⁸ См. там же; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 26 февраля.

никами штаба С. Г. Лукирским, А. С. Гришинским, Н. А. Сулейманом, Р. Ф. Зейцем¹.

Со станции Новоселье, расположенной в 43 верстах от Пскова, Ленин получил телеграмму от нашей мирной делегации, которая извещала, что проезд к Пскову затруднен, так как впереди взорван мост, и ввиду невозможности снестись с германским правительством просила известить его о своем прибытии². Нервы у Ленина напряжены до предела, телеграмма вызывает у него недоумение, он опасается, что, может быть, Сокольников и Иоффе опять заколебались относительно своей поездки в Брест-Литовск, куда они отправились, как известно, только после решения ЦК о включении их в состав делегации, и Ленин в 21 час направляет делегации радиограмму: «Не вполне понимаем вашей телеграммы. Если вы колеблетесь, это недопустимо. Пошлите парламентаров и старайтесь выехать скорее к немцам»³. Одновременно Ленин выполняет просьбу делегации, направляя в Берлин и Брест-Литовск соответствующие радиограммы⁴.

25 февраля Совнарком обратился ко всем Советам и земельным комитетам с просьбой срочно сообщить по телеграфу о своем отношении к подписанию условий мира, предложенных германским правительством; в запросе СНК, с которым Ленин ознакомился и который был подписан Н. П. Горбуновым, излагались германские условия, точки зрения на этот вопрос ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров и детали принятия ЦИК решения о подписании мира⁵.

Вечером того же дня Ленин подписывает «Сообщение о положении дел в связи с немецким предложением об условиях мира», которое предназначалось для печати; это же сообщение радиограммой было направлено «Всем. Берлин, Двинск, Вена, София, Константино-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 279.

² См. там же; Известия ЦИК. 1918. 26 февраля; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 116.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 46, 415; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 236.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 279.

⁵ См. там же; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 116—117.

поль»¹. В нем по дням и часам излагалось все, связанное с получением нами германских условий мира и ответом на них. Поскольку немцы не давали пока ответа и продолжали наступать, то в конце этого сообщения, подписанного Лениным и Троцким, подчеркивалось: «Остается поставить вопрос правительству Германии и верховному командованию германскими армиями, намерены ли они ответить на согласие Совета Народных Комиссаров подписать предложенные условия мира и на предложение главнокомандующего Крыленко прекратить военные действия»².

В вечернем выпуске «Правды» за 25 февраля публикуется статья Ленина «Тяжелый, но необходимый урок»³. Дав анализ обстановки в России с февраля 1917 года, Ленин подчеркивал, что «неделя с 18 по 24 февраля войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской — и международной — революции»⁴. Он писал, что сравнительно легкие победы, достигнутые нами на внутреннем фронте, вскружили головы многим нашим руководителям, привели к «шапкозакидательским» настроениям, к перенесению этих настроений «на борьбу против всемирного империализма»⁵. И Ленин заявлял: «Неделя 18—24 февраля 1918 года, от взятия Двинска до взятия (отбитого потом назад) Пскова, неделя военного наступления империалистской Германии на Советскую социалистическую республику, явилась горьким, обидным, тяжелым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком»⁶. Мы теперь «оборонцы», указывал Ленин, с 25 октября 1917 года мы выступаем «за защиту отечества», но «мы требуем серьезного отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны. Мы объявляем беспощадную войну революционной фразе о революционной войне. К ней надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны...»⁷.

Вечером, в 21 час, 25 февраля советская делегация

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 280; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 115—116; Правда. 1918. 26 (13) февраля.

² Там же; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 116.

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 393—397.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 394.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 395.

добралась до Пскова, приблизительно тогда же в Берлин прибыл и советский дипломатический курьер, доставивший наш ответ на германские условия¹. Утром следующего дня, 26 февраля, наша делегация за подписями своего руководителя Сокольников и секретаря делегации Карахана подала письменный протест германскому командованию. В нем заявлялось: «Полагая, что, если даже военные действия против России не были прекращены с момента вручения Германскому Правительству ноты Российского Правительства от 24-го февраля, во всяком случае, они должны быть приостановлены с момента прибытия Российской мирной делегации на территорию, занятую германскими войсками,— делегация считает необходимым установить, что ее прибытие должно исчисляться с момента приезда Председателя в Псков, т. е. с 9 часов вечера 25-го февраля 1918 года»².

Протест этот ни к чему не привел: немцы на него не ответили и продолжали наступать. Однако паника, которая имела место в первые дни немецкого наступления, уже прошла. Трудящиеся по призыву партии поднимались на защиту социалистического отечества. «Если немецкие империалисты не хотят идти на мир с Советской революцией,— писала «Правда»,— то они убедятся, что Советская революция умеет оборонять себя»³. За несколько дней в Петрограде в Красную Армию записалось более 100 тысяч человек⁴.

Наплыв добровольцев в Красную Армию был так велик, что не хватало оружия для их немедленного вооружения, не доставало транспортных средств для их незамедлительной отправки навстречу наступающим германским частям. 26 февраля за подписью членов Комитета революционной обороны Петрограда К. Еремеева, М. Урицкого и секретаря Гусева сообщалось: «Ввиду угрозы Петрограду со стороны германских войск и нужды в оружии для организации отпора, Комитет обороны приказывает: всем солдатам, отправляющимся домой, перед отъездом сдать оружие. Всякий увозящий с собой оружие объявляется контрреволюционером и мародером»⁵.

---

¹ См.: Правда. 1918. 27 (14) февраля; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

² Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 267.

³ Правда. 1918. 27 (14) февраля.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 28 (15) февраля.

⁵ Правда. 1918. 28 (15) февраля.

Тяжелые условия мира, предъявленные Германией России, многих в странах Четверного союза заставляли сомневаться в его длительности и прочности. Левые силы в этих странах выступали с критикой этого мира. Так, нелестными словами встретили депутаты австрийского парламента прибывшего туда представителя Рады Северюка, заставив его покинуть зал заседания¹. Виктор Адлер после начала немецкого наступления относительно позиции Австро-Венгрии заявил: «Мы не можем быть жандармами для поддержания порядка»². Немцы, например, в эти дни, опасаясь революционной «заразы», не принимали по обмену своих пленных, рекомендуя им до конца войны оставаться в России³. Когда рейхстаг обсуждал подписанный с Радой мир, левые депутаты голосовали против его принятия⁴.

26 февраля Совнарком сообщил во все нейтральные страны о принятии нами германских условий мира⁵. Ленин в этот день посылает советскому полпреду в Стокгольме В. В. Воровскому телеграмму: «Получаете ли все наши телеграммы, знаете ли немецкие условия и то, что мы их приняли. Сообщайте ежедневно телеграфом, какие вести у Вас и из заграничной печати»⁶. Несмотря на то что канцлер Гертлинг, выступая в рейхстаге, говорил об отъезде 26 февраля германской делегации в Брест-Литовск, несмотря на то что тогда же туда выехали и представители Австрии, обстановка оставалась чрезвычайно напряженной, и, как подчеркивал Ленин в телеграмме в Иркутск, переданной в ночь на 27 февраля, немцы продолжают наступать на Петроград, «большинство наших войск бежит» и «социалистическое отечество в опасности»⁷. Продолжалась и дальнейшая поляризация мнений по вопросу о войне и мире. «Когда России приставили к горлу нож,— писали «Известия ЦИК»,— она должна была выбрать что-нибудь из двух:

---

¹ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 27 февраля.

² Там же.

³ См. там же. 1 марта.

⁴ См.: Правда. 1918. 27 (14) февраля.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 281; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 47.

⁷ Правда. 1918. 27 (14) февраля; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 282—283; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 47.

или красиво умереть, или остаться живой, но униженной и замученной. Она выбрала второй путь. Она сохранила свою жизнь, чтобы сохранить жизнь социализму»¹.

Но выбор этого «второго» пути проходил тяжело. Газеты сообщали, что президиум Московского губернского Совета высказался за подписание мира, а на заседании исполкома Моссовета против заключения мира голосовал 41 человек, а за — только 10². 26 февраля Зиновьев на заседании Петросовета проинформировал товарищей, что ответа до сих пор нет, что надо срочно укреплять подступы к Питеру, где хотя подвоз и не прекращается, но хлеба осталось на 2—3 дня³. «Надо помнить, что события меняются с головокружительной быстротой,— подчеркивал, выступая, Володарский.— Еще на днях мы говорили, что мир не подписываем и войну прекращаем, теперь возможен случай, когда мы скажем — мир подписываем, но войну продолжаем»⁴. «Известия ЦИК» начали публиковать данные об отношении местных Советов к вопросу о заключении аннексионистского мира. В подборке за 27 февраля 49 Советов выступали против подписания мира и за революционную войну, 33 — за мир и 2 заняли колеблющуюся позицию⁵.

27 февраля Ленин принимает французских офицеров — члена военной миссии капитана Ж. Садуля и лейтенанта Ж. де Люберсака; последний был в сопровождении инженера⁶. Ленин беседует с Люберсаком в связи с предложением французских офицеров-подрывников разрушить железнодорожные пути, чтобы помешать продвижению немцев⁷. Поступает сообщение, что 27 февраля в 15 часов советская мирная делегация выехала из Пскова в Брест-Литовск⁸. Приближение немцев вызвало активизацию контрреволюционных элементов, правых сил. В типографии ЦК партии правых эсеров 27 февраля был обнаружен заранее заготовленный текст листовки, который гласил: «Совет Народных Комиссаров

---

¹ Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

² См.: Правда. 1918. 27 (14) февраля.

³ См. там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 27 февраля.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 283; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 120—121.

⁷ См. там же.

⁸ См.: Правда. 1918. 28 (15) февраля.

подписал безумный мир с Германией. Он предал Россию, народ, революцию, социализм. Его призывы к оружию — ложь и лицемерие. Он борется только за свою власть. Совет Народных Комиссаров может вести только братоубийственную войну среди народов России. Не им, предателям, защищать Россию. Пусть у власти станет Петроградская городская дума. Все вооруженные силы граждан должны быть отданы в ее распоряжение»¹.

В эти дни Ленин принимает делегацию Советской Украины в составе ее руководителя большевика В. П. Затонского, украинского левого эсера Е. Нероновича, левого эсера Е. П. Терлецкого и беспартийного крестьянина Руденко². Еще 24 февраля, когда в Киеве в 15 часов были получены германские условия мира, правительство Советской Украины, не признававшее подписанный без ведома народа Радой сепаратный мир, в тот же день 24 февраля на совместном заседании с ВУЦИК решило отправить свою мирную делегацию, в которую и вошли народные секретари Затонский и Терлецкий, член ВУЦИК Руденко и член Киевского Совета Неронович³. Делегация сразу же выехала через Москву в Петроград, чтобы договориться с русской делегацией о единой линии поведения, но последняя уже выехала в Брест⁴. Украинские товарищи перед отъездом из Петрограда были приняты Лениным, который одобрил решение властей Советской Украины подписать мир на германских условиях, чтобы получить передышку для укрепления завоеваний революции⁵.

28 февраля в 15 часов русская мирная делегация прибыла в Брест-Литовск и сразу же сделала повторный решительный протест председателю германской делегации против продолжающегося наступления немцев; в этот день австро-германские войска заняли Бердичев⁶. В протесте, в частности, подчеркивалось, что военные дейст-

---

¹ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 2 марта.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278—279.

³ См.: Правда. 1918. 5 марта (20 февраля).

⁴ См. там же; Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278—279.

⁶ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287; Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 267.

вия «во всяком случае должны быть приостановлены к моменту возобновления мирных переговоров, ведущихся на основе уже принятого ультиматума»¹; протест был подписан Сокольниковым и Караханом.

Карахан телеграфировал в Петроград Ленину, что в день прибытия нашей делегации в Брест-Литовск состоялось совещание о порядке дня завтрашнего, то есть 1 марта, заседания, что на наши требования прекратить военные действия ввиду согласия на германский ультиматум немцы ответили отказом, заявив, что наступление прекратится лишь с момента подписания мирного договора и что трехдневный срок ультиматума исчисляется с первого заседания — с 11 часов дня 1 марта².

В этот же день, 28 февраля, делегация Советской Украины прибыла в Псков³. Потом в печати делегация изложит свою «одиссею»⁴. По дороге до Пскова они не встретили ни одного немца, а в самом городе их было много. По прибытии в Псков делегация обратилась к коменданту станции с просьбой обеспечить ее проезд в Брест-Литовск для подписания мирного договора. Немцы, разместив украинских товарищей на вокзале и дав им для охраны двух солдат, запросили свое командование. Время шло. Членов делегации накормили консервами и предоставили одну комнату для сна, где они и улеглись прямо на полу. Наступило 1 марта, и делегация сделала заявление начальнику станции о своем желании встретиться с представителями держав Четверного союза. К ночи поступил ответ от генерала Гофмана: находящиеся в Брест-Литовске представители стран Четверного союза признают законным правительство УНР, а обращающихся к ним данных четырех господ не знают, и им предоставляется возможность возвратиться в Петроград. Таким образом, немцы задержали делегацию Советской Украины в Пскове. Ей было отказано также проехать в Харьков через Брест-Литовск⁵. Немецкий комендант предоставил членам делегации два автомобиля и двух солдат, в сопровождении которых они и были доставлены до первого русского поста.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 267; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 115—116.

² См.: Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

³ Там же. 5 марта (20 февраля); Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

По-прежнему тяжело складывалась обстановка среди руководящих партийных и советских работников в Москве и в области. 28 февраля Московский окружной комитет РСДРП(б) принял резолюцию о его присоединении к содержанию заявления, «поданному в ЦК частью его членов и группой товарищей 23 февраля»¹. Комитет высказывался «за настоятельную необходимость созыва партийного съезда в назначенный срок», несмотря на всю сложность обстановки, и «за безусловную недопустимость его отсрочки»². И резолюция резюмировала: «Ответственность партии перед революцией настолько велика, что партия должна сказать по вопросу о мире свое слово, а период, в который вступает социалистическая революция, настолько решителен и грозен, что во главе партии должен стоять ЦК с линией политически более решительной и твердой и более способный руководить ею, чем настоящий его состав»³.

В тот день, 28 февраля, проходило и экстренное заседание Московского Совета⁴. И там обстановка сложилась тяжелая. Выступавший большевик Игнатов говорил, что мир ничего нам не дает. Признавая, что принятие мира дает нам выигрыш во времени, левый эсер Черепанов тем не менее считал, что мир на данных условиях для нас неприемлем. Поставленная на голосование резолюция содержала два момента: предложенный мир неприемлем, продолжать мобилизацию сил для защиты страны. За первый тезис были все, кроме одного; за второй — все против одного при воздержавшихся меньшевиках⁵.

28 февраля и 1 марта газета «Правда» в двух номерах публикует статью Ленина «Странное и чудовищное» по поводу резолюции Московского областного бюро партии от 24 февраля, в которой выражалось недоверие ЦК и содержался отказ подчиняться его решениям, и «объяснительного текста» к этой резолюции⁶. В этой статье Ленин разбирал доводы «москвичей» и тех, кто выступал против заключения мира на германских условиях и призывал к революционной войне, к которой страна и на-

---

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 238.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 399—407.

род не были готовы, не имея ни средств, ни армии для ее ведения. Ленин доказывал правильность курса на завоевание мирной передышки, хотя бы и ценой тяжелейшего мира. «Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии,— подчеркивал Ленин,— есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ»¹. И он заключал: «И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне серьезно. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе»².

Обратим также внимание на два момента этой ленинской статьи, которые имели принципиальное значение для будущего Советской власти, для «проживания» нашего государства «вместе и совместно» с другими странами на планете. Из рассуждений противников заключения мира следовало, будто интересы международной революции запрещают любой мир с империализмом. «Социалистическая республика среди империалистских держав,— указывал Ленин,— не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну»³. Взгляды тех, кто отвергал германские условия мира, подводили к тому, будто в интересах международной революции ее выгодно «подталкивать»... войной. «Подобная «теория»,— подчеркивал Ленин,— шла бы в полный разрез с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»⁴.

Днем 28 февраля Ленин знакомится с телеграммой Р. Робинса из Вологды, куда наконец-то добралось с помощью Владимира Ильича американское посольство; Робинс, а значит, и посольство интересовались положением дел с заключением мира, получив ответ Ленина, что он еще не подписан⁵. Было уже известно, что на сле-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 406.

² Там же. С. 407.

³ Там же. С. 402.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 282, 284—285.

дующий день в Брест-Литовске на этот счет откроются переговоры.

Утром 1 марта (16 февраля) газета «Правда» выходит со статьей Ленина «На деловую почву». В ней Ленин, призывая народ стать на защиту Советской власти, если германские войска будут наступать, одновременно подчеркивает, что одного энтузиазма для ведения войны недостаточно. «Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может,— писал Ленин.— Раз нам германские империалисты ее навязывают, наша священная обязанность трезво оценить наше положение, учесть силы, проверить хозяйственный механизм. Все это должно делаться со скоростью военного времени...»¹ Только тогда можно будет говорить серьезно о войне, заключал Ленин, а иначе это все — революционная фраза, которая «в данный критический момент... может сыграть роковую роль»².

Утром же выходят и «Известия ЦИК» со статьей Карла Радека, который продолжает защищать свою позицию революционной войны. «Или мы примем открытый вызов Германии на войну,— пишет Радек,— начнем ее и будем ее вести открыто, или мы подпишем сегодня мир, который даст нам войну не в лучших, а в тысячу раз худших условиях»³. И далее Радек подчеркивает: «Война или капитуляция: так поставила история вопрос. Третьего выхода нет»⁴.

Однако данные, поступающие с мест, говорили за то, что в общественном сознании шел медленный, но поворот в пользу заключения мира. «Правда» публиковала позиции местных Советов по вопросу о войне и мире⁵. Газета сообщала, что Совнаркомом уже получено 163 ответа от местных Советов и различных организаций с изложением их позиции по вопросу о войне и мире. За подписание мира высказывались 92 Совета и организации, против — 63, остальные четко своей позиции не определяли. Газета давала также и характеристику мест, откуда поступили ответы на запрос Совнаркома, и эти данные уже более «наглядно» говорили о том, с каким трудом шел поворот в общественном мнении в пользу подписания аннексионистского мира. За мир ответы пришли из 1 губернского го-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 408.

² Там же. С. 409.

³ Известия ЦИК. 1918. 1 марта (16 февраля).

⁴ Там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 1 марта (16 февраля).

рода, 15 уездных, 3 фабрично-заводских местностей и от 72 волостных Советов. Против подписания мира данные были получены из 15 губернских городов, 17 уездных, 3 фабрично-заводских местностей и от 25 волостных Советов. Другими словами, во втором случае фигурировали более крупные центры, зато в первом было большое преимущество сельских районов.

Заметим, кстати, что указанный в первом случае один губернский город был Петроградом. Здесь 1 марта под председательством Володарского проходило пленарное заседание Петросовета¹. С докладом выступал Зиновьев, обративший внимание на то, что, несмотря на наступление немцев и подтягивание ими подкреплений, в петроградском гарнизоне пока еще нет твердого революционного порядка. Советская власть сделала для честного мира все возможное, говорил оратор, но этот тяжкий мир нам нужен, за него выступает большинство Советов, а также подавляющая часть крестьян и рабочего класса, и мы должны иметь мужество сказать, что «неподписание мира влечет за собой обыкновенную кровопролитную бойню». Петросовет должен остаться при своем прежнем мнении — мир, но если нас заставят вести войну, подчеркивал Зиновьев, то мы будем ее вести.

Положение продолжало оставаться сложным. Немцы наступали, и 1 марта они заняли Гомель, а их передовые части вместе с австрийскими и кавалерией Центральной Рады вошли в Киев². По Петрограду снова поползли слухи: большевики готовятся бежать из города. Эти слухи имели под собой и действительное основание: в правительственных кругах уже не раз затрагивался вопрос о переезде центральных партийных и советских учреждений в Москву, на этот счет уже давались различные распоряжения, в том числе и Лениным.

1 марта Ленин проводит напряженнейший день; его встречи, беседы и дела во многом связаны и «привязаны» к Брест-Литовску. Он говорит по этому вопросу с корреспондентом «Известий» Москвы и Московской области, с делегатами, приезжающими на VII съезд РСДРП(б)³. По вопросу о мире между Россией и Германией, о воз-

---

¹ См.: Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 6 марта.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 288.

возможной агрессии Японии в Сибири и позиции в связи с этим США Ленин в этот день разговаривает с капитаном французской военной миссии Ж. Садулем, с дипломатическим представителем Великобритании Р. Локкартом¹.

Таков был этот насыщенный событиями день, когда в Брест-Литовске начались переговоры о заключении мира. Утреннее пленарное заседание мирной конференции открылось под председательством посланника фон Розенберга². Прибывшие в Брест-Литовск делегации были в таком составе.

Русская делегация: председатель Г. Я. Сокольников, Г. И. Петровский, Г. В. Чичерин, секретарь делегации Л. М. Карахан, политический консультант А. А. Иоффе, военные консультанты контр-адмирал В. М. Альтфатер, капитан В. В. Липский, генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов, профессор А. И. Андогский³.

Германская делегация прибыла в составе: посланник фон Розенберг, генерал-майор Гофман, действительный статский советник фон Кернер, капитан 1-го ранга Горн и директор правового департамента Криге⁴.

Австро-венгерскую делегацию представляли директор департамента доктор Грац, посол фон Мерей, фельдмаршал-лейтенант фон Чичерич⁵.

Посланник Тотчев, полковник Гантчев и легационный секретарь Анастасов входили в состав болгарской делегации⁶.

И наконец, турецкую делегацию представляли Ибрагим Хакки-паша и генерал от кавалерии Цеки-паша⁷.

Открывший заседание Розенберг призвал не отвлекаться на бесполезные споры, памятуя, что возобновившиеся военные действия могут быть прекращены лишь после подписания мирного договора, для чего, собственно говоря, все и собрались, сказал он, в Брест-Литовске. Говоря о представленных документах договора, Розенберг предложил их рассматривать в трех комиссиях — политической, экономической и правовой⁸. Далее он предложил, если нет возражений со стороны русской делегации, за-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 289.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 213.

³ См. там же. С. 211.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 212.

⁶ См. там же.

⁷ См. там же.

⁸ См. там же. С. 213.

крыть пленарное заседание и работать уже в качестве политической комиссии, определив ее состав и план работы.

Отвечая, Сокольников подчеркивал наше желание закончить всю процедуру в «наискратчайший срок» и «принять условия, которые с оружием в руках продиктованы Германией Российскому Правительству»¹. И в этой связи Сокольников отклонил предложение об образовании комиссий, сказав, что все вопросы, связанные с заключением мирного договора, «целесообразнее» рассматривать на общих заседаниях².

Розенберг, возражая против обвинения держав Четверного союза в навязывании России условий мира «с оружием в руках», сказал, что дело России принять их или «решиться на продолжение войны»³. Он сожалел об отклонении нашей делегацией предложения об образовании комиссий, но не настаивал на их создании при соблюдении условия о трехдневном сроке для подписания мира, оговоренном в немецком ультиматуме. И Розенберг, предложив приступить к обсуждению вопросов, подлежащих рассмотрению политической комиссией, стал зачитывать германский ультиматум от 21 февраля, комментируя его отдельные положения. В заключение он предложил Кернеру изложить вопросы экономического соглашения, которые касаются Германии.

Последний заявил, что в основу экономического соглашения положен торговый договор между двумя странами от 1894 года, который был пересмотрен и дополнен в 1904 году. Кернер говорил, что, согласно договору, Германии гарантируется свободный и беспошлинный вывоз руды и режим наибольшего благоприятствования до конца 1925 года, что предоставляются преимущества третьим странам, с кем Австро-Венгрия и Германия находятся в таможенном союзе. Он сказал также, что текст у них имеется пока только на немецком языке и необходимо, чтобы уполномоченные русской делегации приступили к совместной работе с немецкими переводчиками.

И еще относительно прежнего торгового договора и нового экономического соглашения: в предлагаемом новом экономическом соглашении, хотя оно во многом и совпадало со старым договором, красной нитью проходила одна мысль — все то, что соответствовало в той или иной мере экономическим интересам Германии по старо-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 214.

² См. там же. С. 213—214.

³ Там же. С. 214.

му договору, сохранялось, и наоборот, все то, что ее интересам противоречило и ограждало интересы России, отбрасывалось.

После Кернера Розенберг с согласия Сокольниково предоставил слово Криге, изложившему правовые вопросы мирного договора. Они были уже известны нашей делегации, но в выступлении Криге подчеркивался опять-таки один важный момент: «Поскольку немецкие и русские предложения расходятся, урегулирование должно производиться в соответствии с немецкими предложениями»¹.

В дальнейшем выступили представители австро-венгерской делегации. Мерей передал нам изложенный Вильденом пункт об экономических вопросах и сам говорил о правовых, которые в основном совпадали с германскими и которые он обещал передать на вечернем заседании. В свою очередь болгарский представитель Гантчев сказал, что завтра они вручат нам свой коммерческий договор, а Хакки-паша говорил, что проекты турецко-русских договоров они уже давали Иоффе, а затем более полные тексты — Троцкому. Поскольку материалы были на французском языке, Хакки-паша предложил их подписать в таком виде, если русская делегация не возражает, на что Сокольников дал согласие. Одновременно он сказал, что стремление представителей стран Четверного союза, выраженное Розенбергом, быстрее закончить работу совпадает и с нашим желанием и поэтому мы предлагаем назначить на сегодня встречу глав делегаций.

В 13 часов 15 минут Розенберг закрыл заседание, и он же в 17 часов 17 минут открыл пленарное собрание. При начале его работы Сокольников поинтересовался у австро-венгерской делегации, как обстоят дела с обещанными нам на утреннем заседании материалами, и Мерей заявил, что через полчаса они будут в нашем распоряжении. Создавалось впечатление, что делегации стран австро-германского блока не знали, что делать дальше, и Розенберг попросил Сокольниково изложить высказанное им утром предложение о встрече председателей всех участвующих в конференции делегаций. Глава русской делегации считал, что она должна состояться после этого пленарного заседания.

Мы хотели как можно быстрее подписать мирный договор, ради чего, собственно говоря, и отказались от

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 217.

обсуждения его вопросов в различных комиссиях, которые предлагали образовать немцы, стараясь создать видимость «делового» обсуждения грабительского мира. Видимо, педантичные немцы этого не предусматривали, и образовался своего рода «вакуум», который надо было чем-то заполнить. Нас же «трехдневный срок» не устраивал: противник наступал, захватывал новые города, продвигался в глубь страны, приближаясь к ее жизненно важным центрам.

Поэтому Сокольников и торопил с назначением встречи председателей делегаций, обращая внимание в то же время и на наше желание быть ознакомленными с еще не известными нам деталями договора между Россией и державами Четверного союза. Розенберг предложил «пяти Председателям делегаций немедленно собраться» в соседней комнате, прервав на некоторое время проходящее сейчас заседание, на что Сокольников дал согласие¹. И Розенберг, закрыв в 17 часов 33 минуты текущую встречу, через 7 минут, в 17 часов 40 минут, открыл в другом помещении в качестве главы германской делегации совещание председателей делегаций, попросив нас изложить свои предложения.

Получив слово, глава советской делегации Сокольников сделал заявление. «Мир, подлежащий заключению, не является плодом соглашения обеих сторон,— начал Сокольников.— Этот мир... диктуется нам с оружием в руках»². Он говорил о том, что трехдневный срок не дает никакой возможности всесторонне обсудить предъявленные нам условия, что при этом Германия продолжает вести наступательные действия против нас и заключение самого мира происходит, таким образом, «в неслыханной атмосфере насилия»³. В такой обстановке, продолжал Сокольников, и «в соответствии с произведенной Россией демобилизацией и провозглашением с ее стороны прекращения войны, Русская делегация считает единственным достойным выходом из этого положения — принятие условий в той форме, в которой они предлагаются»⁴. Мы имеем полномочия и не намерены откладывать момент подписания договора, заявил Сокольников, готовы сделать это «уже завтра» и считаем необходимым обсудить фор-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 223.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

му подписания мирного договора, условиться о времени совершения этого акта¹.

В ответ Розенберг вновь повторил, что приостановка военных действий возможна только с момента подписания мира, что со стороны государств Четверного союза нет никакого насилия и изменившаяся обстановка вызвала и изменение требований, которые, по мнению Розенберга, и теперь «еще далеки от того, чтобы их можно было рассматривать, как бесцеремонную эксплуатацию соотношения сил»². Розенберг заявил, что русская делегация сама во многом виновата, что она имела не три дня для обсуждения условий мира, а полтора месяца, «когда переговоры были прерваны», что у нее было, таким образом, достаточно времени, чтобы «иметь возможность принять или отвергнуть наши требования»³. Он сказал также, что относительно условий мира сейчас «речь идет не столько об изучении, сколько о решении этих вопросов» и делегации стран Четверного союза приветствуют шаги русской делегации в этом направлении и приложат усилия к тому, чтобы к утру завтрашнему или следующего дня подготовить текст договора⁴.

Австро-венгерский представитель Мерей и болгарский — Тотчев присоединились к сказанному Розенбергом, при этом болгарский представитель подчеркнул, что «настоящее положение вещей является результатом близорукой политики России»⁵.

Снова взявший слово Сокольников повторил наши прежние оценки условий мира и предложил на этом закончить обсуждение, так как точки зрения сторон ясны. Он сказал, что необходимо наметить практический путь, «который дал бы нам возможность завтра же подписать мирный договор»⁶. Повторил доводы австро-германского блока в свою очередь и Розенберг, заявив также, что для решения всех вопросов, связанных с мирным договором, специалисты обеих сторон должны объединить свои усилия и что от них по правовым проблемам будет участвовать Криге, по экономическим — Кернер и политическим — он, и в этой связи Розенберг поинтересовался, кого будет делегировать русская делегация.

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 223—224.

² Там же. С. 224.

³ Там же.

⁴ См. там же. С. 224—225.

⁵ Там же. С. 225.

⁶ Там же. С. 226.

Сокольников ответил, что для него не ясна цель таких совещаний специалистов, что, как он представляет, работа сведется, по сути дела, к переводческой, а потому, подчеркнул он, мы готовы считать подлинным текстом немецкий, оговаривая лишь, что турецко-русский текст должен быть составлен на французском языке. Что касается русского текста, говорил Сокольников, то мы представим его ко дню ратификации или в отрезке времени между подписанием договора и днем его ратификации.

Розенберг выразил желание посоветоваться по вопросу о текстах на языках с председателями делегаций стран Четверного союза, и с этой целью был объявлен небольшой перерыв, после которого он заявил, что предложение русской делегации подписать сначала «только немецкий текст главного договора, приложений и правовых дополнительных договоров» в принципе принимается, но с оговоркой, что «договоры должны быть заключены на пяти языках и что те тексты, которые, за недостатком времени, не могут быть изготовлены, будут представлены впоследствии»¹.

В 19 часов 5 минут заседание было закрыто. Оно было нелегким. Ведь приходилось решать и свои «внутренние» проблемы. Мы отказались, например, вести переговоры совместно с представителями Центральной Рады². Надо было утрясать вопросы и со своими консультантами, прежде всего военными,—Альтфатером, Даниловым, Липским и Андогским, которые еще по пути к Брест-Литовску заявили, что они не разделяют решение о заключении мира на германских условиях, а затем, прибыв к месту переговоров, составили записку на имя Сокольникова, где опять подтвердили свое отрицательное отношение к данному сепаратному миру, считая его заключение нецелесообразным и едва ли необходимым³. Военные консультанты заявляли также, что требования немцев, выходящие за пределы их ультиматума от 21 февраля, являются таким новым обстоятельством, которое позволяет отказаться от подписания договора⁴. Естественно, что наша делегация не могла согласиться с доводами своих военных консультантов, ибо имела полномочия подписать мирный договор на условиях, не затрагивающих ос-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 227.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 287.

³ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 161.

⁴ См. там же.

нов Советской власти. Германские условия мира, при всей их тягостности и болезненности для нас, на Советскую власть не посягали.

Сразу же после закрытия в Брест-Литовске вечернего заседания 1 марта секретарь нашей делегации Карахан отправил из Брест-Литовска телеграмму: «Петроград, Смольный. Совнаркому. Вышлите нам поезд к Торошино (около Пскова) с достаточной охраной. Снесите о последнем с Крыленко»¹. В 20 часов она была получена в Петрограде, ее читает Ленин, в ней ничего не говорится о подписании мира. Ленин чрезвычайно взволнован, и он имел все основания в создавшейся внутренней и внешней обстановке допустить, что переговоры прерваны. Ленин тут же от имени Совнаркома посылает всем Совдепам радиотелеграмму, извещая страну об опасности². В ней он приводит только что полученное от Карахана из Брест-Литовска сообщение и далее указывает: «Эта телеграмма, по всей вероятности, означает, что мирные переговоры прерваны германцами. Надо быть готовым к немедленному наступлению германцев на Питер и на всех фронтах вообще. Обязательно всех поднять на ноги и усилить меры охраны и обороны»³.

Одновременно с этой радиотелеграммой всем Совдепам Троцкий в свою очередь обратился в Брест-Литовск с запросом о причинах такого экстренного затребования поезда⁴. Ответ из Брест-Литовска еще не пришел, когда в полночь на имя Троцкого доставили расшифрованную телеграмму от Сокольников и Альтфатера, отправленную ими еще 28 февраля⁵. В ней они сообщали, что «завтра», то есть, значит, 1 марта, будет, вероятно, подписан мир.

Получение этой телеграммы в какой-то мере «проясняло» ситуацию. Надо полагать, что это сообщение, поскольку оно было зашифровано, задержали немцы, и оно поступило в Петроград после телеграммы Карахана с затребованием поезда, а последний, полагая, что депеша

---

¹ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 48, 416—417.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 289.

³ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 48, 416—417.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 162.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

от Сокольников и Альтфатера получена в Совнаркоме, ничего, естественно, о подписании мира и не сообщал¹.

Телеграмма-ответ от Карахана на запрос Троцкого была принята в Петрограде только в 3 часа 11 минут ночи 2 марта². В ней говорилось, что предъявленные немцами требования еще более тяжелые, нежели их ультиматум от 21 февраля, что самым серьезным из их новых требований является отделение от России под видом «самоопределения» Карса и Батума, что в создавшихся условиях нет смысла вести какие-либо переговоры, и поэтому мы, сообщалось в этой телеграмме Карахана, не входя в обсуждение мирного договора, подписываем его и выезжаем «завтра», в связи с чем и затребовали поезд.

Все эти «детали» происшедшего после 19 часов 1 марта и до четвертого часа ночи 2 марта в газеты попали только 3 марта. А 2 марта газеты вышли с тревожными заголовками и статьями. «Правда» оповещала всех: «Наша мирная делегация возвращается в Петроград. Вопрос о войне и мире решен: война!»; «Рабочие, солдаты, крестьяне! Только через наши трупы враг войдет в Петроград! Только взяв с бою каждый город, каждую деревню, буржуазия сможет воцариться в стране!»; «Наш лозунг отныне: «Победа или смерть!»³ В одной из статей газета писала: «Ясно, что немцы вдали от нас, они не хотят мира. Надо сражаться. К оружию!»⁴ Немцы еще не сказали своего последнего слова, писали в свою очередь «Известия ЦИК», и есть основания полагать, что «слово это будет ужасно»⁵.

Газеты этого дня продолжали публиковать развернутые статьи против заключения мира на германских условиях. В «Известиях ЦИК» с очередным материалом в защиту революционной войны выступал К. Радек, подчеркивавший, что «партизанская борьба имеет шансы на успех», что «даже необходимость очистить некоторые важные центры не грозит нам гибелью»⁶. А «Правда» публиковала статью М. Бронского об экономических последствиях заключения мира на германских условиях⁷. В ней

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 416—417.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта; Правда. 1918. 3 марта (18 февраля).

³ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

⁴ Там же.

⁵ Известия ЦИК. 1918. 2 марта.

⁶ Там же.

⁷ См.: Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

подчеркивалось, что этот наш шаг есть «восстановление права капиталистической эксплуатации», что это «открытие двери для входа немецкого капиталиста, который потащит за собой своего русского собрата, буржуа и крепостника», что это, заключал автор, есть «конец социалистическому переустройству»¹.

Ленин, не зная, что немцы не пустили делегацию Советской Украины дальше Пскова и она уже возвращается обратно, до полудня 2 марта направляет нашей делегации в Брест-Литовск телеграмму-запрос: не прибыли ли к месту переговоров украинские товарищи?² Между тем пришло известие, что немцы заняли Нарву, турки взяли Трапезунд, а в Подолию по просьбе Центральной Рады вступили австрийские и германские войска³.

В 21 час 2 марта на имя Совнаркома из Брест-Литовска за подписями Сокольников, Петровского и Чичерина была получена радиотелеграмма следующего содержания: «Вчера русская делегация заявила, что она отказывается от обсуждения предложенных условий мира ввиду того, что военные действия против России продолжаются, несмотря на возобновление работ мирной конференции. Требование русской делегации о приостановке наступления было отклонено. В этих условиях весь мирный договор целиком является ультиматумом, поддерживаемым со стороны Германии путем непосредственного вооруженного насилия. Русская делегация, подписывая без обсуждения продиктованные ей условия, считает своим долгом открыто сказать об этом всю правду рабочим и крестьянам России и всего мира, отдавая на их суд все происходящее»⁴. В депеше, которая в самой сжатой, но точной по смыслу форме излагала существо заявлений нашей делегации на заседаниях брест-литовской конференции от 1 марта, сообщалось также, что подписание мирного договора состоится 3 марта.

Обстановка, таким образом, несколько прояснялась, но доверять германским империалистам было нельзя, и Ленин это понимал. Сразу же после получения радиотелеграммы он за своей подписью составляет проект приказа всем Совдепам, который гласил: «Мы полагаем, что

---

¹ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 290.

³ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

завтра, 3/III, будет подписан мир, но донесения наших агентов в связи со всеми обстоятельствами заставляют ожидать, что у немцев возьмет верх партия войны с Россией в ближайшие дни. Поэтому безусловный приказ: демобилизацию красноармейцев затягивать; подготовку подрыва железных дорог, мостов и шоссе усилить; отряды собирать и вооружать; эвакуацию продолжать ускоренно; оружие вывозить в глубь страны»¹.

В этом документе хотелось бы обратить внимание на один момент: на распоряжение затягивать демобилизацию красноармейцев. Было совершенно ясно, что и после подписания мира немцы будут стараться разделаться с Советской властью «через» Украину, откуда можно было вклиниться далеко в глубь России, отрезая Петроград и Москву от важнейших продовольственных и сырьевых источников. Характерно, что в этот же день, 2 марта, Наркомвоен отдал приказ о единовременной демобилизации всех призывных возрастов старой армии², которая уже ничему не служила, разлагала всех вокруг себя и вовлекала в водоворот своего панического бегства с позиций все окружающее. Достаточно сказать, что лишь в некоторых частях Западного фронта можно было рассчитывать не более чем на 500 бойцов на каждые 25 тысяч человек³. Естественно, что приказ о задержке по возможности демобилизации красноармейцев был в этих условиях как нельзя более кстати. Поэтому и ведет Ленин в ночь со 2 на 3 марта разговор с главкомверхом Крыленко по ряду военных вопросов, связанных с усилением боевой готовности революционных частей армии⁴. В эти же дни Ленин ни на минуту не выпускает из виду вопросы, связанные с эвакуацией важнейших учреждений из Петрограда в глубь страны, в частности в Москву⁵.

С 28 февраля по 2 марта ВЦИК и СНК получали от местных Советов и других организаций ответы на запрос относительно их позиции по вопросу о мире и войне. Газеты регулярно публиковали эту информацию. Ленин составляет общую сводку ответов с мест; при подсчете ока-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 410.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 291.

⁵ См. там же. С. 291, 292.

зывается: за мир — 250, за войну — 224¹. 3 марта «Известия ЦИК» публикуют сообщение, в котором говорится, что в среде местных Советов имеются глубокие разногласия по вопросу о мире, и поэтому для определения общей позиции Советской власти по решению ВЦИК в Москве с этой целью 12 марта созывается Чрезвычайный съезд Советов².

Этими «глубокими разногласиями» пестрели и страницы газет. «Известия ЦИК» помещали беседу своего репортера с левым эсером наркомом А. Л. Колегаевым³. Опровергая слухи о кризисе в СНК, он подтвердил, что петроградская организация партии левых эсеров не признает мира на германских условиях, но ЦК их партии такого решения не выносил, и поэтому для левых эсеров постановление ВЦИК о мире обязательно. Вместе с тем Колегаев подчеркивал, что, по его мнению, если даже мир и будет подписан, то военные действия не прекратятся, ибо растет движение за революционную войну и последняя приобретает партизанский характер. Как писал в этот день орган московских анархистов, «мы разбили окопы Николая, мы не оденем оковы Вильгельма. Мы согнули нашу буржуазию, мы сокрушим и европейскую буржуазию и ее хищнические шайки, разрубим узел дипломатических затей»⁴.

И в одних и тех же номерах газет, на тех же страницах шла и другая информация. Для определения позиции партии по вопросу о мире, писала «Правда», съезд должен собраться во что бы то ни стало. При этом газета подчеркивала: «В нашей среде могут быть разногласия по тому или другому вопросу, но двух линий в нашей пролетарско-коммунистической партии быть не может. Един пролетариат, и партия его едина»⁵. В этот же день газета, обобщая опыт последних дней на основании поступившей с позиций информации, ставила вопрос, почему мы отступаем на Западном и других фронтах перед небольшими отрядами немцев, и отвечала, что причина заключается в отсутствии у нас боеспособной армии⁶.

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 292.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 205.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁴ Анархия. 1918. 3 марта.

⁵ Правда. 1918. 3 марта.

⁶ См. там же.

Об этом же писали и «Известия ЦИК». «Вести революционную войну можно,— подчеркивала газета,— опираясь лишь на новые вооруженные силы сознательного пролетариата и части боевой армии, но для этого необходима известная подготовка, передышка, перегруппировка. Всякая же иная попытка в этом направлении может быть весьма героической, решительной, но можно опасаться и бесплодной — вследствие полной неподготовленности»¹.

3 марта Ленин принимает вернувшегося в Петроград руководителя мирной делегации Советской Украины В. П. Затонского, которого вместе с другими членами делегации немцы не пропустили дальше Пскова, и в ходе беседы с ним просит передать украинским товарищам, что очень важно занять на предстоящем Всероссийском съезде Советов позицию одобрения мира².

А в этот день в Брест-Литовске в 11 часов 56 минут под председательством Граца открылось пленарное заседание мирной конференции³. Оно началось с предъявления всеми делегациями своих полномочий на право подписать мирный договор, которые были признаны правильными. Затем слово было предоставлено главе русской делегации Сокольникову. Подробно изложив нашу точку зрения на грабительский, аннексионистский мир, который всем предстояло подписать, показав расстановку сил на мировой арене, в том числе и в революционном движении, Сокольников заявил, что наше правительство «не в состоянии противостоять вооруженному наступлению германского империализма и, во имя спасения революционной России, вынуждено принять предъявленные ему условия», что на основании имеющихся полномочий мы «немедленно подписываем» ультимативный мирный договор, «отказываясь от всякого его обсуждения», ибо оно «совершенно бесполезно при создавшихся условиях»⁴. По поводу отказа от обсуждения Иоффе, придерживаясь своей позиции в отношении мирного договора, впоследствии напишет, что это было вызвано тем, дабы «ни в коем случае не создано впечатление какого-либо

---

¹ Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 292—293.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 228.

⁴ Там же. С. 231; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 117—119.

соглашения между Российской Революцией и империалистами Четверного союза»¹.

В связи с заявлением Сокольниковы выступили представители держав Четверного союза (Грац, Хакки-паша, Гофман и Розенберг, Тотчев). От имени Австро-Венгрии Грац говорил, что у русских представителей было достаточно времени, чтобы обдумать предъявленные условия мира, и поэтому их претензии относительно недостатка времени несостоятельны. Касаясь вопроса о Карсе, Ардагане и Батума, турецкий представитель заявил, что речь идет не об отделении этих территорий от России, а о возвращении их Турции, то есть о восстановлении якобы исторической справедливости. Относительно заявления Троцкого, вызвавшего неопределенность положения в отношениях между двумя сторонами, находившимися до того в состоянии перемирия, высказались Гофман и Розенберг. Первый, в частности, говорил, что, по мнению Германии, разрыв мирных переговоров автоматически повлек за собой разрыв и договора о перемирии, и мы, подчеркивал Гофман, начали наступление, «минута в минуту» соблюдая срок, предусмотренный этим соглашением². Что касается демобилизации русской армии, то она началась за несколько недель до заявления Троцкого и фактически уже была закончена, когда последовал демарш Троцкого, и русское правительство «было осведомлено об этих обстоятельствах так же хорошо, как и мы», заявил Гофман³.

В том же духе высказывался и Розенберг. Позиция представителей Австро-Венгрии и Германии была поддержана и представителем Болгарии. А взявший снова слово Сокольников сказал, что мы не будем вступать в прения по всем этим вопросам, но тем не менее заметил, что какого-либо предупреждения о прекращении перемирия не было сделано с обеих сторон. В последовавшем затем обмене репликами по этому вопросу между Розенбергом, Гофманом и Сокольниковым каждая из сторон осталась при своем мнении. И в 13 часов 55 минут Грац счел, как он выразился, эту часть пленарного заседания исчерпанной и на время прервал работу мирной конференции⁴.

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 268.

² См. там же. С. 234.

³ См. там же. С. 235.

⁴ См. там же. С. 238.

Она возобновила свою работу в 16 часов 30 минут под председательством посланника фон Мерей¹. Речь шла об акте подписания мирного договора, который длился с 16 часов 34 минут до 17 часов 50 минут². После того как договор был подписан, Мерей заявил, что это «влечет за собой немедленное прекращение военных действий против Российской Республики», и далее он объявил «переговоры между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией и Россией законченными и заседание закрытым»³.

По средневропейскому времени было 17 часов 52 минуты⁴. Шел 129-й день Советской власти.

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 238.

² См. там же.

³ Там же. С. 239.

⁴ См. там же.